

2
MUSEUM
I. В. Г Е С С Е Н Ъ

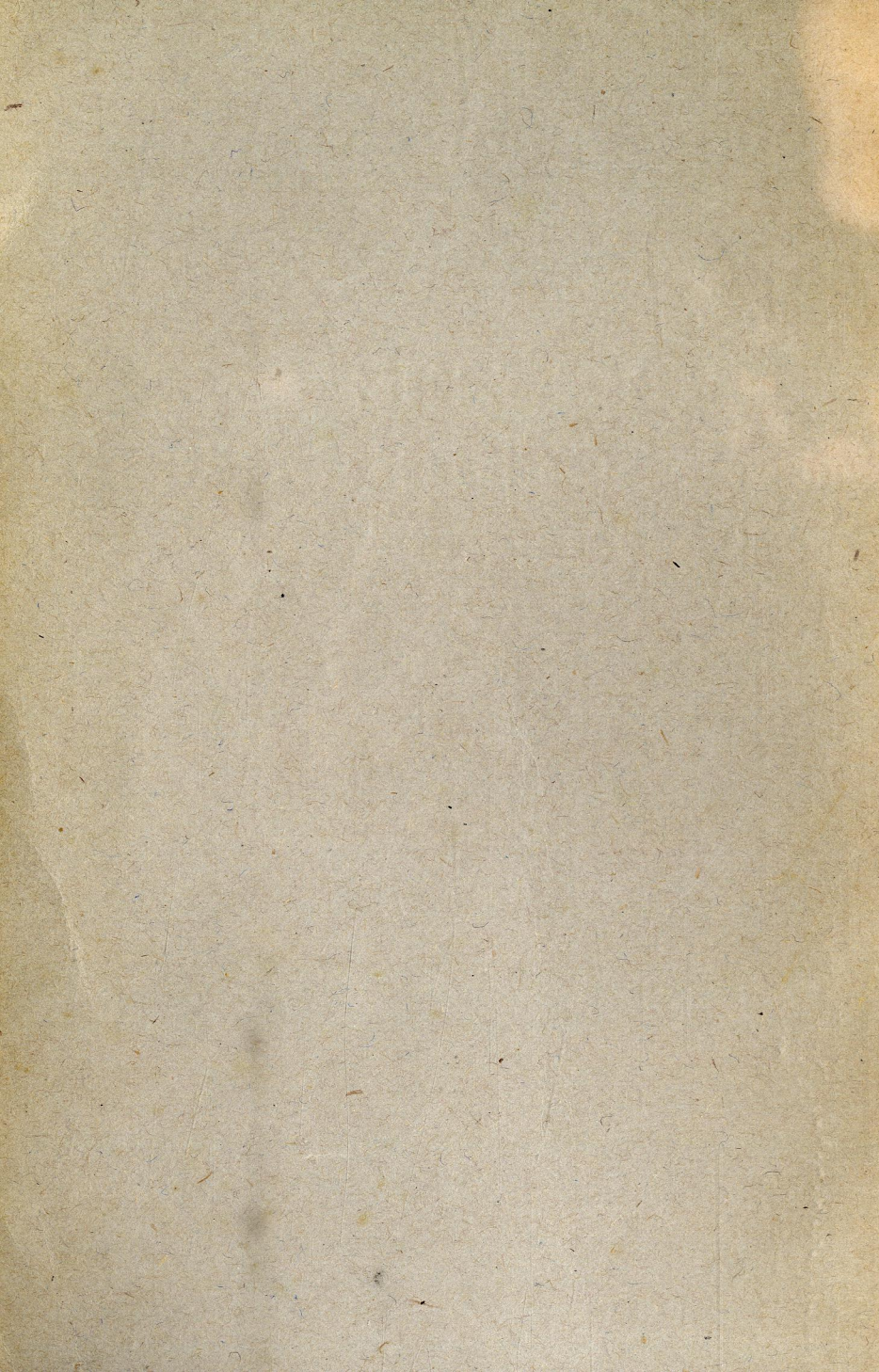
ИСКАНІЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ИДЕАЛА

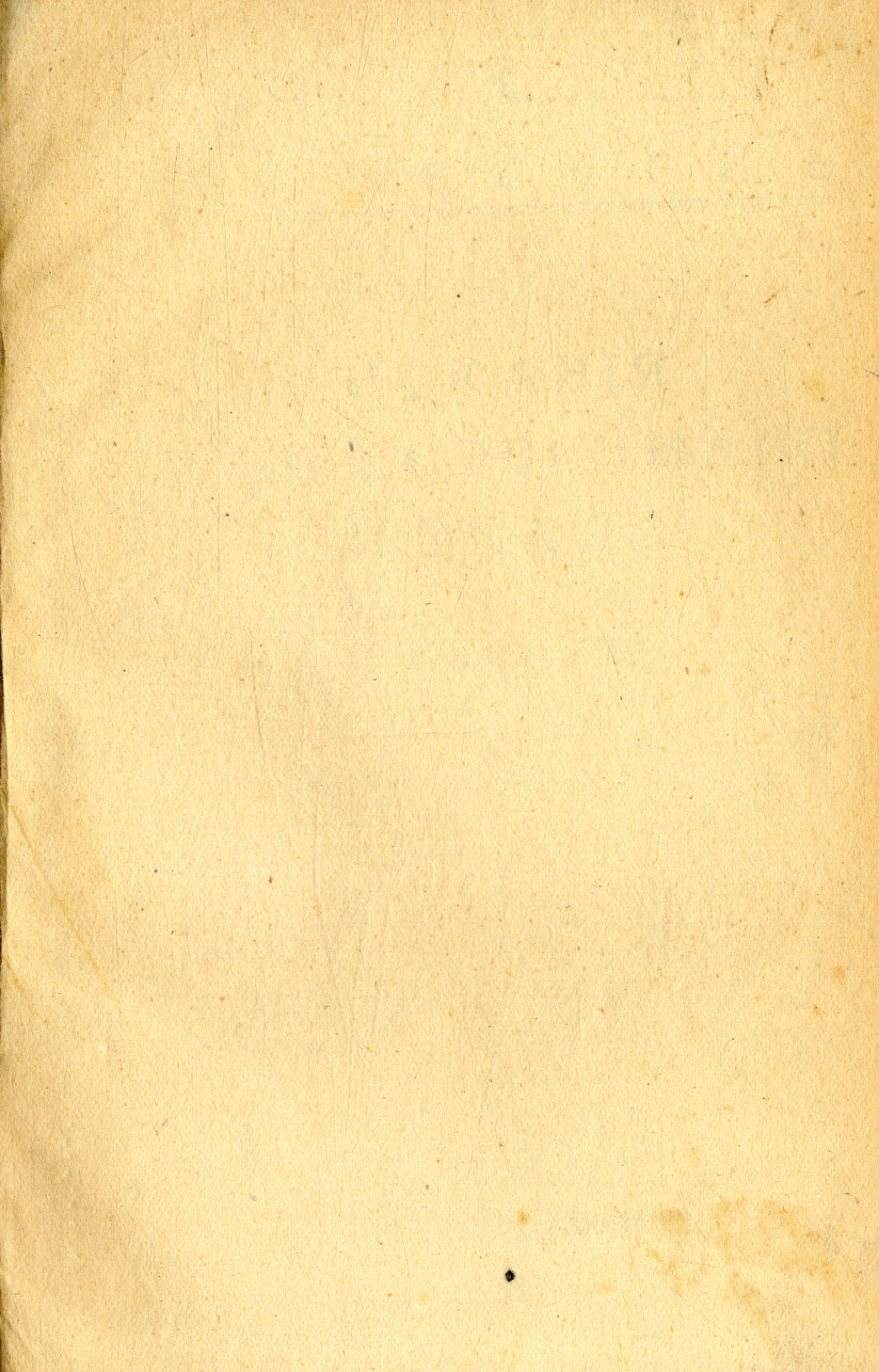
FT
ИЗДАНИЕ 3-ье

БЕРЛИНЪ

1922

~~174455~~

12.225
Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Ю
І. В. Г Е С С Е Н Ъ

ИСКАНІЯ
ОБЩЕСТВЕННАГО
ИДЕАЛА

ИЗДАНИЕ 3-ОЕ

БЕРЛИНЪ
1922

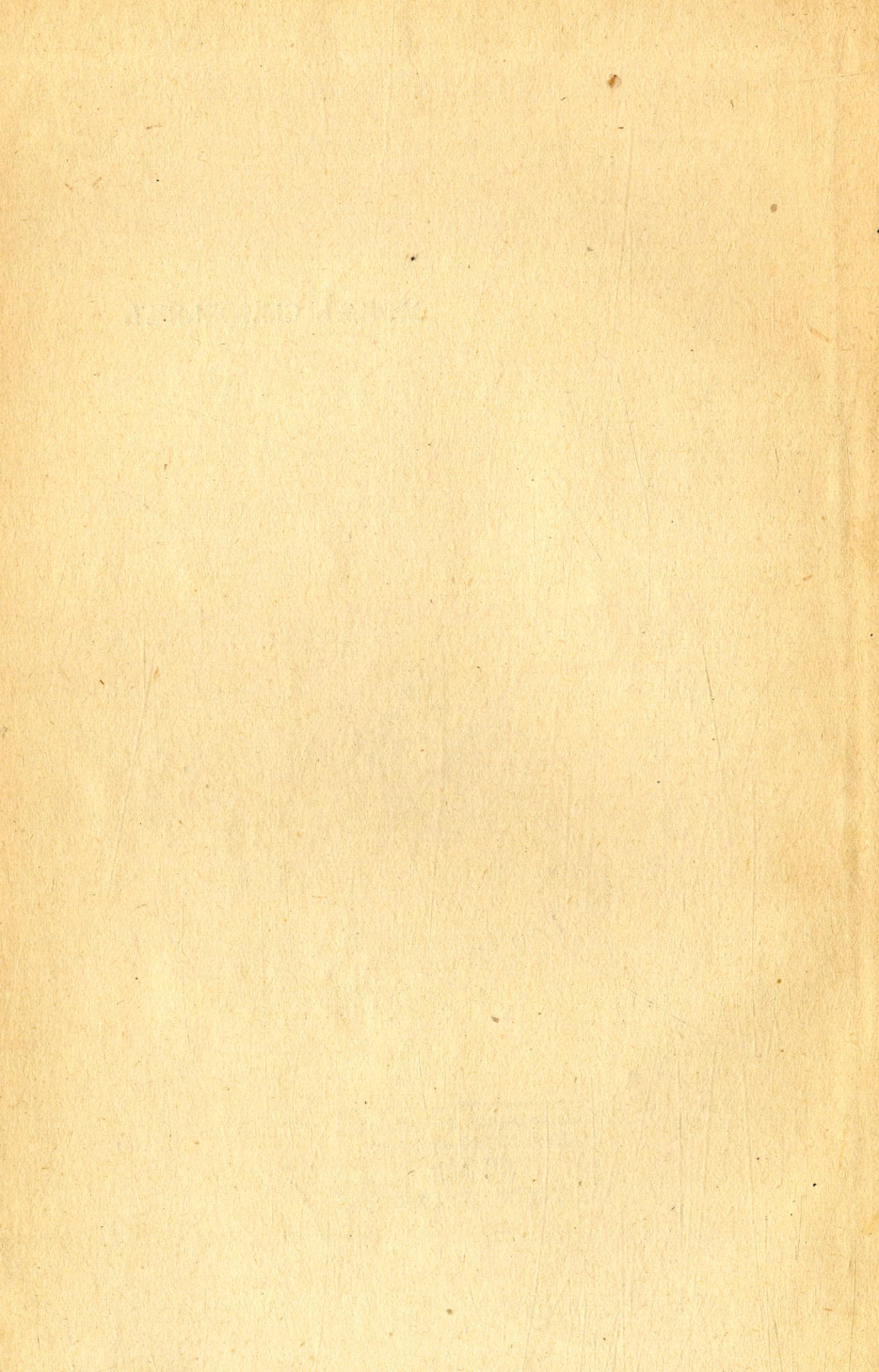
~~174455~~

~~174455~~

103(49)6-678.1

МОИМЪ СЫНОВЬЯМЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ ИЗДАНІЮ

Мы всё жестоко ошиблись. Сначала — относительно войны. Кому приходило въ голову, что война затянется на годы и произведетъ такіа опустошенія въ чело-вѣческой психологіи и въ народномъ хозяйствѣ! И даже потомъ, когда опредѣлилось, что почти весь міръ ополчился противъ Германіи, кто не вѣрилъ, что эта небывалая война не кончится *statu quo ante*. Безъ аннексій и контрибуцій — этотъ лозунгъ выкинула и на немъ сорвалась мартовская революція.

Потомъ — относительно революціи. Думалъ ли ктонибудь, не исключая и самихъ большевиковъ, что они удержатъ власть, что они продержатся у власти. Сомнѣвался ли ктонибудь, когда со всѣхъ сторонъ на большевиковъ наступали добровольческія арміи, поддерживаемыя всѣми великими державами, что пораженіе большевиковъ неминуемо, и что вопросъ лишь въ томъ, кто именно изъ генераловъ первымъ вступитъ въ Москву?

Заднимъ числомъ эти роковыя ошибки нетрудно оцѣнить, какъ непростительный недостатокъ предвидѣнія. Но если недостатокъ этотъ былъ всеобщимъ, если выше не подымался уровень чело-вѣческаго пониманія, то съ такимъ же основаніемъ можно признать, что событія носили стихійный, непреодолимый характеръ, упраздняющій значеніе предвидѣнія.

— Ну, а теперь? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всё эти версальскій, севрскій и др. договоры не стоятъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ грандіозными требованіями, которыя повелительно выдвигаются послѣдствіями войны. Но слышны уже голоса, которые громко и опредѣленно указываютъ на это. — Точно также и относительно революціи. Пусть она еще служить удобнымъ предметомъ

для партійныхъ раздоровъ, все же намѣчаются уже явственныя искреннія усилія осмыслить въ хаотическомъ разрушеніи величіе переживаемой эпохи. При этомъ наблюдается чрезвычайно занятное сочетаніе. Русская революція невозбранно торжествуетъ и заставила всю Европу почти-тельно передъ собою склониться. Однако, сторонники Интернаціоналовъ, объявившихъ себя врагами большевиковъ, тѣмъ не менѣе считаютъ необходимымъ ихъ поддерживать, ибо, по мнѣнію интернаціоналистовъ, завоеванія революціи находятся въ опасности и если бы большевики были свергнуты, неминуемо воцарится жестокая анархія. Напротивъ, приверженцы національной идеи, воплощаемой въ прорицаемомъ ими блестящемъ будущемъ Россіи, считаютъ, что катастрофическій характеръ эпохи является знаменіемъ перерожденія культуры, что большевизмъ въ своей стихіи явленіе глубоко народное, что революція, являясь итогомъ всего предшествующаго русскаго историческаго процесса, взмыла самая страшная проблема духа, («то крылья Ангела Господня возмutilи воду купели»)* и что завоеванія революціи неотъемлемы. Грядетъ новая Россія.

Эти опасенія однихъ и предчувствія вторыхъ (ихъ антиподовъ) такъ гармонируютъ между собой, такъ ладятся взаимно, что уже одно это совпаденіе заставляетъ вѣрить, что въ данномъ случаѣ не окажется ошибки, и что если въ избранномъ направленіи русская мысль будетъ продолжать работать, то на предстоящихъ путяхъ насъ не будутъ подстерегать тяжелыя неожиданности.

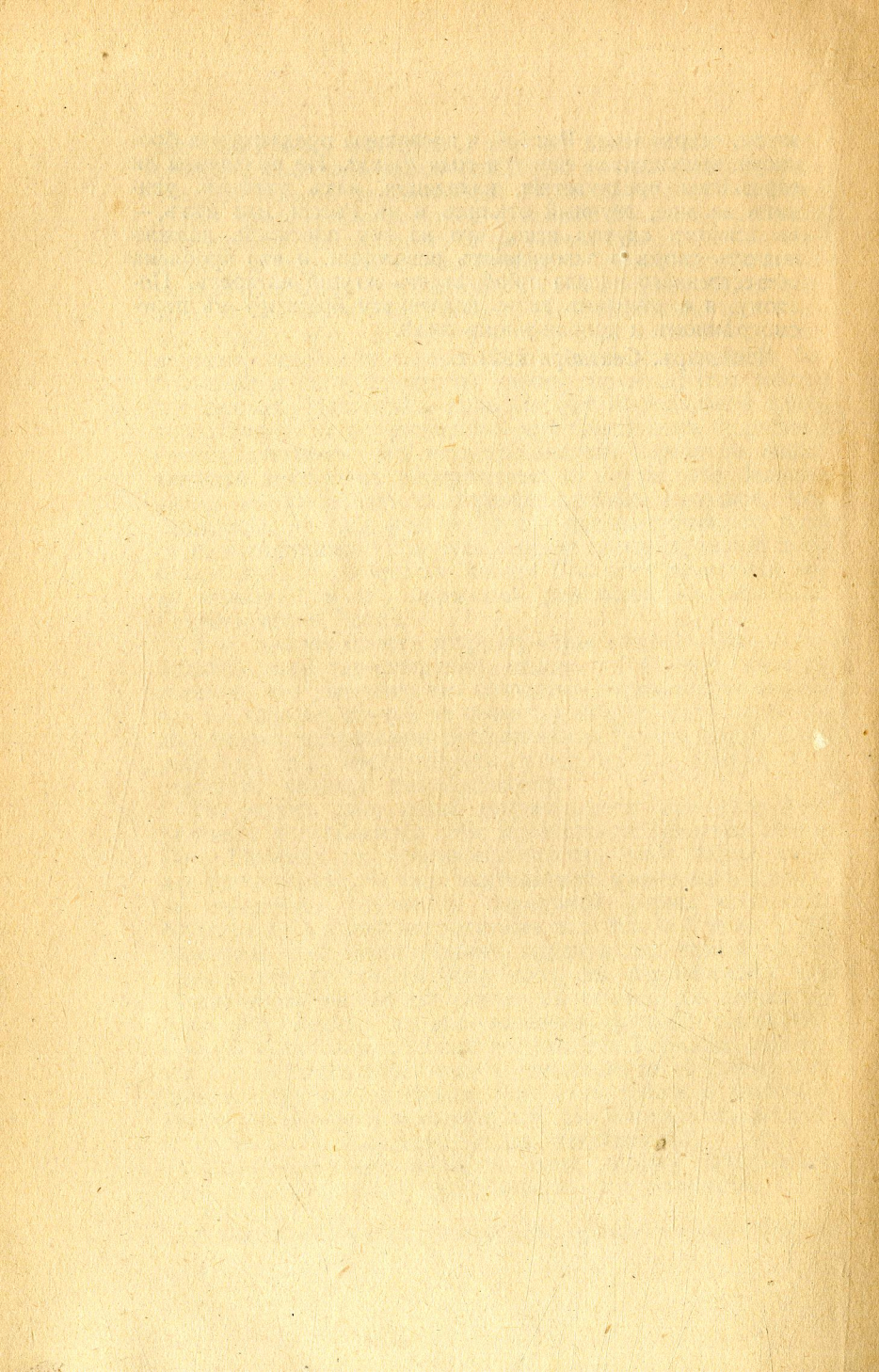
Но засимъ само собой напрашивается еще одно причудливое сопоставленіе. Мы исполняемъ завистью, видя, какъ Германія въ противоположность намъ нашла силы для противодѣйствія разрушительнымъ элементамъ и сумѣла ограничить революцію перемѣной формы правленія, оставивъ до мелочей нетронутымъ весь бытовой укладъ. Но назвавшіе себя «евразійцами», предчувствія коихъ приведены выше, сочетаютъ вѣру свою въ «готовящуюся для Россіи эпоху небывалой славы» съ такимъ же непреложнымъ убѣжденіемъ въ наступившемъ крушеніи западничества. А если такъ, то понятно, что для Германіи революція ограничилась внѣшними перемѣнами: не ей предстоитъ сказать міру «новое слово». Россія въ грѣхъ и безбожіи, Россія въ мерзости и паскудствѣ. Но Россія — «въ исканіи и бореніи, во взысканіи града нездѣшняго».

Посильному выясненію, въ чемъ должно заключаться «новое слово», или точнѣе, говоря, что обѣщаетъ новая

* Исходъ къ Востоку. Утвержденіе евразійцевъ. Софія 1921 г.

эпоха, открываемая Россіей, и посвящена предлагаемая брошюра, выпущенная еще три года назадъ. Но правильны ли евразійскія предчувствія, находящія, какъ читатель увидитъ дальше, звучный откликъ и въ Россіи, или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ ясно, что на эту плоскость должно поднять споръ о завоеваніяхъ революціи, и что проблема общественнаго идеала пріобрѣтаетъ жгучій интересъ. Поэтому, я и рѣшаюсь вновь издать эту брошюру въ пересмотрѣнномъ и дополненномъ видѣ.

Нейенаръ. Сентябрь 1921 г.

Россія лежитъ въ развалинахъ. Великая страна, еще недавно полная гордыхъ мечтаній, разорвана на части. Само собою навязывается и охотно, легко повторяется слово «Московія» и, привыкнувъ вообще склоняться передъ видимою, безропотно впрягаясь въ колесницу сегодняшняго побѣдителя, мы вполне готовы повѣрить, что Россія не существуетъ, что часть ея пробилъ навсегда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Россія по прежнему и еще больше прежняго остается въ центрѣ вниманія: хотя и съ разныхъ (но только не гуманитарныхъ) точекъ зрѣнія, вся Европа и весь міръ активно интересуется Россіей и въ томъ или другомъ смыслѣ сознательно или инстинктивно чувствуетъ свою зависимость отъ ея судебъ. Надѣются ли на то, что пока большевизмъ существуетъ въ Россіи, къ нуждамъ пролетаріата вообще внимательнѣе прислушиваются во всемъ мірѣ, или рассчитываютъ согрѣть и накормить всю Европу русскимъ сырьемъ, или же подъ видомъ помощи пытаются закрѣпить расчлененіе великой страны, все равно — всѣ взоры властно притягиваются къ востоку. Какова бы ни была однако разница между отмѣченными точками зрѣнія, они имѣютъ то существенно общее, что всѣ рассматриваютъ Россію только какъ объектъ, какъ предметъ неодушевленный, къ которому слѣдуетъ приложить тѣ или другія силы, то или иное воздѣйствіе. И по мѣрѣ того, какъ это отношеніе укрѣпляется, растетъ противоположеніе между западомъ и востокомъ, которое начинало уже сглаживаться благодаря мощному подъему національной культуры въ послѣднія десятилѣтія.

Весьма знаменательно, что это противоположеніе предвидѣлось уже во время войны, когда еще никому не снилось то состояніе, къ которому война привела насъ. Я

имѣю въ виду замѣчательную книгу Ф. Степпуна, молодого русскаго философа, воспитавшагося въ Германіи. Призванный во время войны въ ряды войскъ, Степпунъ потомъ опубликовалъ письма, писанныя имъ съ театра военныхъ дѣйствій своей женѣ, матери и друзьямъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, написанномъ въ 1916 году во время нахожденія на излеченіи въ госпиталѣ и содержащемъ чрезвычайно интересныя и значительныя размышленія объ отношеніяхъ между Германіей и Россіей, Степпунъ пишетъ: «я съ самаго начала войны не перестаю бояться, что къ концу ея всѣ народы Европы — и наши союзники и враги — чѣмъ то своимъ «европейскимъ» перекликнутся между собой и тѣмъ самымъ въ какомъ то сейчасъ невидимомъ еще смыслѣ встанутъ всѣ противъ несчастной Россіи. Вотъ помани мое слово». Эти слова, повторяю, брошены были за четыре года до настоящаго момента, когда международныя отношенія, казалось, сложились для Россіи такъ ясно и прочно. Тогда слова эти могли быть приняты, если не за извращенную фантазію, то за остроумную шутку, но какой зловѣщій свѣтъ отбрасываетъ на нихъ этотъ «настоящій моментъ».

Еще болѣе знаменательно, пожалуй, что и со стороны нѣмцевъ, тоже во время войны, брошена была мысль, что было бы величайшей ошибкой считать Россію только объектомъ и что эта ошибка можетъ оказаться роковой. Достаточно сослаться на записи, сдѣланныя во время войны и при томъ такимъ исключительнымъ продуктомъ нѣмецкаго духа, которымъ Германія по всей справедливости вправѣ гордиться: я говорю объ Отто Браунѣ, въ расцвѣтѣ лѣтъ погибшемъ на французскомъ фронтѣ. Прочтя книгу Мережковскаго о Петрѣ Великому, Браунъ пишетъ: «быть можетъ, снова прійдетъ нѣкто, еще болѣе великій и вдохнетъ въ эту часть свѣта (по выраженію Петра) смыслъ бытія и опредѣлитъ ея назначеніе но, быть можетъ и такъ, что безформенныя массы, какъ разливающееся болото, затопятъ гордую Европу, не создавъ новаго Бога. Это было бы концомъ нынѣшняго міра». Стоитъ сопоставить эти два «предчувствія», которыя, какъ выражается Браунъ, отражаютъ подобно зарницамъ желанія, чтобы ярко представить себѣ, какая тяжелая подозрительность и взаимное недовѣріе поднялись изъ бездонныхъ глубинъ на поверхность и передъ какой

великой опасностью мы стоимъ. Это тѣмъ болѣе потрясающе и такъ сказать противоестественно, что въ той же книгѣ Степпуна мы встрѣчаемъ такія вѣщія слова: «Надъ русскимъ откровеніемъ повисаетъ сумракъ хаоса и безсовѣстности. Германской совѣсти грозитъ опасность критическаго окаменѣнія. Спасеніе Россіи въ Германіи. Спасеніе Германіи въ Россіи».

Мнѣ казалось бы поэтому чрезвычайно важнымъ остановить вниманіе на исканіяхъ русскаго духа, на тѣхъ тревогахъ, которыя его одолѣвали передъ разразившимся великимъ кризисомъ. Быть можетъ, наиболѣе объективно можно сдѣлать это, познакомивъ съ анализомъ двухъ замѣчательныхъ книгъ, появившихся въ Россіи во время войны. Гремѣли пушки, рушились города, гибли тысячами молодые жизни, а русскій духъ виталъ гдѣ то далеко, мучительно продолжалъ искать, какъ бы подтверждая замѣчаніе того же Степпуна, что Россія съ одной стороны ниже войны, съ другой выше, во всякомъ случаѣ, не на уровнѣ ея.

И ставъ на этотъ путь, Степпунъ не затрудняется дойти до утвержденія, что въ отвѣтъ на объявленіе войны Россіи слѣдовало «поднять святыя и чудотворныя иконы и безъ оружія выйти навстрѣчу врагу. Какъ ни безумно звучать эти слова, серьезныхъ возраженій я себѣ не вижу». Не слѣдуетъ ли въ этомъ «безуміи» искать и отвѣта на настойчиво задаваемый иностранцами вопросъ, почему несмотря на всеобщее недовольство большевиками, они такъ долго могутъ держаться въ Россіи.

Книги, о которыхъ я говорю, принадлежать перу двухъ извѣстныхъ московскихъ профессоровъ П. Н. Новгородцева и І. А. Покровскаго, воспитавшихся на германской наукѣ и сохранившихъ къ ней полное тяготѣніе, обѣ посвящены исканію общественнаго идеала. Исканія эти вполнѣ понятны, потому что, по общему признанію, наша эпоха отличается отсутствіемъ опредѣленнаго идеала, она характеризуется преимущественно отрицательными стремленіями и лишена творческаго элемента. Поэтому, какъ ни абстрактна съ перваго взгляда кажется эта тема, да еще въ тотъ моментъ, когда все вниманіе властно захвачено неотложными и неразрѣшимыми практическими задачами, тѣмъ не менѣе съ глубокой увѣренностью можно утверждать, что разработка этого вопроса имѣетъ гораздо болѣе злободневное

значеніе, чѣмъ изученіе и публикація документовъ, выясняющихъ причины и виновниковъ войны.

Если нужны доказательства для утвержденія того, что война и революція ведутся изъ за новаго общественнаго идеала, то во всякомъ случаѣ врядъ ли можно сомнѣваться, что въ результатъ войны и революціи явится новый общественный идеаль. — Если господствующій донинѣ общественный идеаль привелъ или хотя бы не могъ предотвратить страшнаго небывалаго въ человѣческой исторіи кровопролитія и разрушенія народнаго благосостоянія, то тѣмъ самымъ онъ уже обреченъ на гибель. Пусть даже господствовавшій идеаль ни въ чемъ не виноватъ, чего, конечно, никакъ допустить нельзя. Но и тогда, рискуя неумѣстнымъ каламбуромъ, ему можно было бы сказать словами Крыловской басни: «Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать». Тѣмъ болѣе, что война вообще сдѣлала этотъ мотивъ всеобщимъ и безапелляціоннымъ.

Нужно, кромѣ того, принять еще во вниманіе и слѣдующее: сейчасъ, подъ впечатлѣніемъ той разрухи, въ которой мы очутились, мы склонны считать чуть ли не райскимъ наше житье-бытье до войны. Представленіе это становится тѣмъ болѣе яркимъ, чѣмъ тяжелѣе переносить все усиливающийся голодъ. Но нельзя же не вспомнить, что создавшееся наканунѣ войны положеніе, по общему признанію, было совершенно непереносимымъ, и всѣми владѣло сознаніе, что мы очутились въ темномъ и мрачномъ тупикѣ. Это безнадежное состояніе и дало поводъ Г. Уэллсу въ его замѣчательномъ романѣ *M-r Britling sees it through* сказать: «если войны вызываютъ разрушеніе и жестокость, то миръ, въ свою очередь, рождаетъ лѣнь, халатность, извращенность, жажду къ наживѣ и эгоистическія наклонности». Страшнымъ толчкомъ война вышибла Европу изъ этого тупика. Пусть Европа истекаетъ кровью, пусть гибнетъ народное хозяйство, пусть безумна цѣна, которую мы заплатили — это все другой вопросъ. Но тупикъ то во всякомъ случаѣ сломанъ, разрушенъ до основанія, и, по окончаніи войны, къ прошлому возврата не будетъ. Тотъ общественный идеаль, который привелъ или не уберегъ насъ отъ этой войны, надолго будетъ похороненъ, все придется строить сызнова и врядъ ли при этомъ можно будетъ воздержаться отъ противоположныхъ крайностей.

Приступая къ изслѣдованію вопроса объ общественномъ идеалѣ, ученые сразу же наталкиваются на тотъ фактъ, что вопросъ этотъ въ сущности всегда остается злободневнымъ, онъ неизмѣнно волнуетъ лучшіе умы, и можно сказать, что данное состояніе этого вопроса лучше всего, наиболѣе точно опредѣляетъ данную эпоху. Но хотя вопросъ объ общественномъ идеалѣ съ древнѣйшихъ временъ подвергается тщательному и настойчивому изученію, тѣмъ не менѣе онъ остается въ крайне неопредѣленномъ положеніи; здѣсь нѣтъ ничего стойкаго, даже въ малѣйшей степени общепризнаннаго. Каждый народъ въ каждую эпоху имѣетъ свой общественный идеаль, безраздѣльно владѣющій въ данную минуту всѣми человѣческими умами, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время безславнѣе бытъ поверженнымъ и уступить свое мѣсто новому кумиру, которому въ свое время будетъ пригнотовлена такая же участь. Величайшіе умы, стремившіеся къ опредѣленной цѣли, въ результатѣ своихъ работъ, случалось, приходили къ противоположнымъ результатамъ и разрушали дѣло всей своей жизни. Въ этой непрерывной и, скажемъ напередъ, безплодной смѣнѣ и черпало свою силу звучащее отголоскомъ человѣческаго безсилія утвержденіе софистовъ, что каждый правъ по-своему и, притомъ, въ каждый новый моментъ иначе, чѣмъ въ предыдущій. Эта глубокая мысль изящно варьируется Гамлетомъ, когда онъ говоритъ, что ничто ни хорошо, ни дурно само по себѣ, только наша мысль дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ.

Еще печальнѣе, что это крайнее непостоянство не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ разнообразіемъ общественного идеала, со сколько нибудь значительнымъ сортиментомъ, накопленнымъ сотнями вѣковъ. Ни малѣйшаго разнообразія тутъ не наблюдается. Напротивъ, это какое-то гнетущее, утомительное, безнадежное качаніе маятника. Одна эпоха выставляетъ общественнымъ идеаломъ личность, ея свободное, полное и всестороннее развитіе, а слѣдующая за нею поставитъ въ центръ мірозданія — коллективъ (общество, церковь, государство), предъ которымъ отдѣльная личность должна совершенно стушевываться. Каждый разъ каждое такое противоположное утвержденіе высказывается въ самой непререкаемой формѣ, вплоть до

ссылки на божественный авторитетъ. Какъ правильно замѣчаетъ напр. Beaudant¹, изъ средства освобожденія церковь превратилась въ орудіе угнетенія и католическія теоріи XVII в. утверждали, что Господь Богъ признаетъ не отдѣльныхъ людей, а общество (*non singulos homines, sed societatem*)². А въ концѣ концовъ «исторія философской мысли, — говоритъ Новгородцевъ, — свидѣтельствуетъ, что эти вопросы получали самыя различныя рѣшенія. Но среди великаго разнообразія этихъ рѣшеній съ особенной рѣзкостью выступаютъ два крайнихъ и противоположныхъ направленія, которыя можно обозначить названіями абсолютнаго коллективизма и абсолютнаго индивидуализма».³

Однако, «это великое разнообразіе» отнюдь не свидѣтельствуетъ о какихъ либо завоеваніяхъ мысли. Поскольку два упомянутыхъ крайнихъ и противоположныхъ направленія сохраняютъ попрежнему всю свою рѣзкость, постольку, несмотря на все разнообразіе попытокъ, мы попрежнему остаемся въ тискахъ все тѣхъ же двухъ непримиримыхъ крайностей, постольку все это разнообразіе, лишь подчеркивающее бесплодность усилій, по существу своему мучительно однообразно. А въ прямой зависимости отъ господства той или другой крайности стоитъ, очевидно, тотъ или другой взглядъ на сущность и цѣли прогресса. Ибо если центромъ человѣческаго общежитія считать личность, индивидуумъ, то все должно быть приноровлено для облегченія ея развитія; если же, напротивъ, центральнымъ пунктомъ является не личность, а общество, коллективъ, тогда, очевидно, линія прогресса должна идти въ другомъ направленіи, преслѣдуя всеобщее и самодовлѣющее развитіе общества, которому интересы отдѣльной личности должны быть принесены въ жертву. Принципъ коллективизма утверждаетъ, что человѣческое общество, социальное цѣлое (абстрактное единство всѣхъ индивидуумовъ) составляетъ высшую цѣль, а отдѣльные индивидуумы являются лишь служебными органами жизни соціального организма, подобно тому, какъ совокупность членовъ служить жизни физическаго организма. Напротивъ, индивидуалистическій принципъ настаиваетъ на томъ, что высшей

¹ Droit individ. et l'état, p. 70.

² Gierke, Joh. Althusius, S. 106.

³ Новгородцевъ, 140. Цитируется по первому, московскому изданію. Третье изданіе выпущено «Словомъ», Берлинъ.

цѣлью является отдѣльная личность, индивидуумъ, и что всѣ высшія и низшія соціальныя образованія — семья, сообщество, товарищество, государство и союзъ государствъ — могутъ быть оцѣниваемы лишь, какъ средства для достиженія цѣлей тѣми отдѣльными единицами, изъ которыхъ эти соціальныя образованія состоятъ.

3

Въ чемъ же дѣло? Что обрекаетъ человѣческую мысль на такое безплодіе? Гдѣ скрывается причина столь трагической безпомощности? Проф. Новгородцевъ правильно указываетъ, что исканія нашихъ дней раскрываютъ намъ тоже не гармонію, а антиномію личнаго и общественнаго началъ. — «Съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ выраженіяхъ выдвигается положеніе, что между личностью и обществомъ нѣтъ и не можетъ быть полнаго совпаденія, а есть, напротивъ, извѣстное несоотвѣтствіе, котораго нѣтъ возможности сгладить или устранить». Если отбросить излишнюю осторожность выраженій, никогда непокидающую автора, то въ приведенныхъ немногихъ словахъ отразится вся сущность интересующей насъ проблемы. Человѣкъ есть *Зон полетиковъ*, и мы не можемъ мыслить личность внѣ общества. Какъ остроумно замѣчаетъ Börne, vieles kann der Mensch entbehren, nur den Menschen nicht. Человѣкъ можетъ отречься отъ чего угодно, но только не отъ человѣка. Еще опредѣленнѣе и парадоксальнѣе высказывается проф. Наторпъ. «Отдѣльная личность это въ сущности лишь абстракція вродѣ атома у физиковъ»¹. Но живя среди другихъ, безъ которыхъ онъ обойтись не можетъ, человѣкъ долженъ поступаться своими интересами въ ихъ пользу; онъ уже не можетъ дѣлать все, что ему вздумается, онъ долженъ сообразовываться съ потребностями и интересами общества. Изъ этихъ уступокъ въ пользу другихъ складывается какая-то новая величина, которая иногда достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Эти другіе образуютъ общество, общество становится началомъ самодовлѣющимъ и противостоитъ личности. Такъ возникаетъ коллизія.

¹ Stammler. Wirtschaft und Recht. 2. Aufl. S. 84. Ср. его же Теоретическія основы анархизма. С. 59.

Въ міръ и органическомъ и неорганическомъ эта коллизія тоже возникаетъ, но тамъ она разрѣшается съ большою ясностью и опредѣленностью. «Въ міръ животныхъ и растений, — говоритъ И. Мечниковъ, — индивидуумъ постоянно приносится въ жертву на пользу вида. Относительно этого сомнѣній быть не можетъ... Мы упомянули растенія, какъ агава и нѣкоторыя споровыя, которыя умираютъ тотчасъ послѣ того, какъ они размножились. Мы ссылались также на самокъ круглыхъ червей, безжалостно поѣдаемыхъ ихъ потомствомъ». Далѣе проф. Мечниковъ рассказываетъ о миксомицетахъ, которые представляютъ собою мѣшочки, «наполненные множествомъ шаровидныхъ тѣлецъ или споръ, микроскопической величины. Когда эти споры увлажняются росой или дождемъ, изъ нихъ вылупляются крошечныя живыя существа, снабженныя двигательной рѣсничкой, при помощи которой они могутъ очень быстро плавать... Но независимое существованіе ихъ очень непродолжительно. Соприкасаясь другъ съ другомъ, ихъ тѣла сливаются въ студенистую массу, достигающую нѣсколько большихъ размѣровъ. Вслѣдствіе такого сліянія получается то, что называется пласмодіемъ, т.-е. скопленіемъ живого вещества... Эти пласмодіи представляютъ общества, для образованія которыхъ индивидуальность составляющихъ ихъ особей была цѣликомъ утрачена. Идеаль, проповѣдуемый нѣкоторыми философами, состоящій въ принесеніи человѣкомъ своей индивидуальности въ жертву обществу и въ полномъ сліяніи съ нимъ, былъ уже осуществленъ на противоположномъ полюсѣ лѣстницы существъ въ эпоху значительно болѣе ранняго появленія человѣка на землѣ». Отсюда И. Мечниковъ подымается къ міру животныхъ и рассказываетъ сначала о полипахъ и сифонофорахъ, а затѣмъ о пчелахъ, муравьяхъ термитахъ, у которыхъ особь уже получаетъ вполне самостоятельное физическое существованіе; но точно такъ же все ея существованіе исчерпывается служебной ролью по отношенію къ коллективу¹.

4

Такъ, въ міръ органическомъ и неорганическомъ все обстоитъ ясно и просто. Никакихъ коллизій здѣсь не возникаетъ. Но когда засимъ мы подымаемся къ царю природы,

¹ Этюды оптимизма, с. 191, сл.

вопросъ объ отношеніи особи къ коллективу превращается въ проблему, которая остается нерѣшенной и неразрѣшимой, какъ квадратура круга или *perpetuum mobile*.

«Вся трудность вопроса, — неожиданно замѣчаетъ проф. Новгородцевъ, — о взаимоотношеніи личности и общества проистекаетъ именно отъ того, что они берутся въ качествѣ какихъ-то самодовлѣющихъ и противостоящихъ другъ другу субстанцій». Дѣло же, однако, не въ томъ, какъ «берутся» эти субстанции. Если, какъ напоминаетъ Новгородцевъ, на протяженіи сотенъ вѣковъ — для Платона, Августина и Гегеля, для Фейербаха, Маркса и Канта общество само становится богомъ, то вѣдь это не ихъ отвлеченное измышленіе, въ лучшемъ случаѣ они предсказывали то, что уже двигалось по пути къ осуществленію, обычно же они лишь отражали то, что уже реально воплощено было въ жизни. Да и самъ проф. Новгородцевъ, не забывая присущей ему осторожности, констатируетъ, что «понятіе общества... носитъ въ себѣ указаніе не только на новое количество, не только на простое умноженіе и повтореніе отдѣльныхъ лицъ, въ ихъ абстрактной сущности, но также и на новое качество, конкретное единство, проистекающее изъ различныхъ индивидуальностей въ высшемъ синтезѣ»¹. Если же это не простое умноженіе или повтореніе, а что то такое получающее новыя качества, то это и есть новая субстанція, самодовлѣющая, со своими собственными интересами и потребностями. И бѣда въ томъ, что эта новая субстанція, коллективъ, не только противостоитъ личности, она съ нею борется и нерѣдко побѣждаетъ личность, которая съ своей стороны не остается въ долгу и, доведенная до отчаянія, возстаетъ противъ гнета коллектива. «Послѣдовательно проведенное понятіе индивидуальности сталкивается съ принципомъ всеобщаго уравнинія, точно такъ же какъ послѣдовательное развитіе понятія равенства встрѣчаетъ преграду въ требованіи индивидуализма. Безграничное развитіе свободы привело бы ко всеобщему неравенству, безусловное осуществленіе равенства имѣло бы своимъ послѣдствіемъ полное подавленіе свободы». Эта частица «бы» является въ дан-

¹ Стр. 105.

номъ случаѣ совершенно излишней, ибо вся исторія громко кричитъ о томъ, что такъ именно и бывало, и книга проф. Новгородцева испещрена напоминаніями объ этихъ историческихъ примѣрахъ, безъ всякихъ околичностей констатирующихъ, что «идея гармоніи личности съ обществомъ приводитъ обыкновенно къ поглощенію одного начала другимъ: или личное совершенствованіе растворяется въ общественномъ прогрессѣ или, наоборотъ, общественный прогрессъ ставится въ исключительную зависимость отъ личнаго совершенствованія». Такимъ образомъ, повторяемъ, это «бы» здѣсь отнюдь не имѣетъ права на существованіе: оно давно уже и безслѣдно уничтожено неумолимой дѣйствительностью, и равнымъ образомъ бесполезно говорить о наличности «извѣстнаго» противорѣчія, ибо такое смягченіе возбуждаетъ ложныя надежды на ихъ устраненіе.

Противорѣчіе здѣсь органическое и до сихъ поръ неустранимое. Каждая уступка, которую отдѣльный человѣкъ дѣлаетъ въ пользу человечества, есть съ его стороны самопожертвованіе и изъ этихъ уступокъ, когда онѣ горами наношены, складывается нѣчто огромное, грандіозное, Левіафанъ, по остроумному опредѣленію Гоббса, предъ которымъ отдѣльная личность превращается въ ничто. Бываетъ, что эти уступки, эти жертвы приносятся съ радостью, съ восторгомъ, но тѣмъ тяжелѣе вслѣдъ засимъ наступаетъ разочарованіе, тѣмъ ярче вспыхиваетъ и стремительнѣе разгорается протестъ. Ибо чѣмъ больше и полнѣе развивается коллективъ, тѣмъ онъ становится требовательнѣе и неумолимѣе. Въ качествѣ примѣра восторженнаго самопожертвованія, достаточно вспомнить изъ временъ русско-японской войны, какъ японскіе солдаты оспаривали другъ у друга право отправляться на вѣрную смерть на т. н. брандерахъ, имѣвшихъ цѣлью закупорить выходъ изъ Портъ-Артурской гавани. Непревзойденнымъ же образцомъ требовательности коллективизма можетъ служить послѣдняя война, бросившая миллионы людей и все народное достояніе на борьбу за благо родины. — Въ книгѣ, вышедшей уже во время этой войны, Le Bon съ большою удовлетворенностью отмѣчаетъ, что со времени войны la communauté seule existe et les

individus ne comptent absolument pour rien¹. Только коллективъ существуетъ, личность не цѣнится ни во что. Если на низшихъ ступеняхъ культуры убиваютъ стариковъ, такъ какъ отъ нихъ никакой пользы ждать нельзя и они представляютъ лишніе рты, если, какъ насъ учили въ гимназій, спартанцы сбрасывали съ Тайгетской скалы физически негодныхъ младенцевъ, то на высшей ступени развитія безъ всякаго счета убиваютъ цвѣтъ людской, наиболѣе сильныхъ и наиболѣе трудоспособныхъ людей во имя священныхъ интересовъ каждой отдѣльной страны.

Такъ противостоитъ человѣкъ человѣчеству, такъ непримиримо противоположны ихъ интересы, такъ до сихъ поръ между ними кипитъ вѣчная безчеловѣчная вражда. Такъ оно и впредь будетъ, ибо, по справедливому замѣчанію проф. Дицеля, рационалистическая критика безсильна предъ лицомъ этой борьбы. Оба противоположные принципа принимаются какъ аксіомы, которыя можно отстаивать, но которыя нельзя подкрѣпить доказательствами и которыя обречены на извѣчную вражду². И не въ томъ, слѣдовательно, трудность вопроса, что, какъ говорить проф. Новгородцевъ, индивидуумъ и коллективъ берутся какъ самодовлѣющія субстанціи, а въ томъ, что такими они и являются въ дѣйствительности, и что такое взаимоотношеніе этихъ субстанцій наполняетъ собой всю исторію человѣчества.

5

Но отчего же это такъ образуется? Отчего обстановка складывается такъ, что коллективъ, который состоитъ изъ индивидуальностей и ради нихъ существуетъ, долженъ служить средствомъ для ихъ развитія, становится къ нимъ во враждебную позицію и не останавливается передъ тѣмъ, чтобы всецѣло ихъ поглотить, тѣмъ самымъ уничтожая смыслъ своего существованія. Чѣмъ объяснить то и дѣло наблюдаемую въ исторіи легкость побѣдъ надъ индивидуумомъ, какъ понять эту готовность личности не только безропотно, но восторженно кричать: осанна! молоху кол-

¹ Premières conséquences, p. 66.

² Handwörterbuch der Staatswiss., 2 Aufl. B. IV. S. 1331.

лективизма? Отвѣтъ на этотъ вопросъ и можно найти въ той же прекрасной книгѣ проф. Новгородцева.

Смыслъ и цѣль индивидуальнаго существованія глубоко и безнадежно сокрыты. Отъ рожденія, составляющаго величайшую тайну, и до смерти, неизвѣстно когда и откуда появляющейся, человѣкъ проходитъ свой жизненный путь, какъ случайный гость, не зная, зачѣмъ онъ выброшенъ на свѣтъ Божій и куда онъ исчезнетъ. Все кругомъ составляетъ для него неразрѣшимую загадку, надъ которой, какъ говорить въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи Гейне, сколько умныхъ головъ бесплодно трудилось, а теперь только глупецъ стоитъ у моря и безпомощно ждетъ отвѣта. Однако, сознаніе безсилія разрѣшить эту основную загадку не устраняетъ, а, напротивъ, еще сильнѣе возбуждаетъ чувства досады и обиды, которыя никакъ нельзя устранить изъ души своей. Поэтому, одинъ провозглашаетъ, что человѣкъ рожденъ для счастья, какъ птица для полета, а для другого «жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденіе, жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, постоянное отреченіе — вотъ ея тайный и истинный смыслъ».

Не имѣя силъ разрѣшить загадку, раскрыть смыслъ жизни, человѣкъ готовъ уподобиться лисицѣ изъ басни и утверждать, что никакого смысла въ жизни и не должно быть. «У Ницше, — говоритъ проф. Новгородцевъ, — не только отрицается смыслъ жизни, но отвергается и самая необходимость для человѣка того, чтобы въ мірѣ былъ смыслъ»¹. Для Ницше единственный достовѣрный результатъ — это смерть. По его словамъ, это — единственное достовѣрное и общее для всѣхъ въ ожидающемъ ихъ будущемъ². Изъ такого положенія Ницше находитъ только одинъ выходъ: «мысль о самоубійствѣ есть великое средство утѣшенія: съ помощью ея переживаешь благополучно не одну тяжелую ночь»³. Проф. Новгородцевъ протестуетъ противъ этого и сожалеетъ о Ницше. «Такъ, — говоритъ онъ, — низвергается въ бездну гордыня демоническаго духа «крайняго индивидуализма». Оттолкнувъ отъ себя всѣ

¹ Стр. 158.

² Стр. 162.

³ Стр. 162.

опоры и мосты, всѣ связи съ міромъ и окружающими людьми, онъ смѣло идетъ впередъ, но оказывается, что впереди ничего не видно и ничего нѣтъ достовѣрнаго, кромѣ смерти». Оставимъ здѣсь въ сторонѣ моральную оцѣнку взглядовъ Ницше, тѣмъ болѣе, что такой антиподъ Ницше, какъ К. Д. Кавелинъ, для того чтобы выйти изъ затрудненія, тоже ставитъ вопросъ: «Какой смыслъ можетъ имѣть выраженіе: цѣль жизни?» и отвѣчаетъ на это весьма рѣшительно: «Жизнь не имѣетъ никакой цѣли. Пока мы живемъ, мы создаемъ себѣ безпрестанно какія нибудь цѣли»¹. Нельзя не согласиться, что одно отреченіе стоитъ другого.

Во всякомъ случаѣ самъ Новгородцевъ указываетъ, что «абсолютный индивидуализмъ, порожденный крайностями абсолютнаго коллективизма, естественно долженъ подчеркнуть и выдвинуть забытое этимъ послѣднимъ начало личности»². Но выдвинувъ это начало, настоящей послѣдовательный индивидуализмъ неизбѣжно сталкивается съ неизвѣстностью цѣли и смысла индивидуальнаго существованія и потому единственное утѣшеніе, какое человѣкъ можетъ найти, заключается въ сознаніи, что хоть прекращеніе жизни зависитъ отъ его собственнаго усмотрѣнія, а не отъ воли какого-то случая. Проф. Новгородцевъ видитъ въ этомъ нравственное банкротство, а шекспировскій Гамлетъ, какъ извѣстно, сомнѣвается именно въ томъ, что благороднѣе: сносить ли громъ и стрѣлы враждующей судьбы или возстать на море бѣдъ и кончить ихъ ударомъ. И развѣ больной, сраженный въ своихъ гениальныхъ порывахъ безуміемъ Ницше не дѣлилъ своего банкротства съ величайшими представителями человѣческаго духа и притомъ отнюдь не поклонниками Uebermensch'a. Не говорилъ ли Софокль, что и наиболѣе храбрые стремятся избѣжать смерти, когда она вдругъ вырастаетъ передъ ними. Но, вѣдь, сколько людей безстрашно идетъ на смерть, только трусы ее страшатся. Да, — отвѣчаетъ жизнерадостный Гете, — только трусы боятся геройской смерти. Но смерти обыденной (Hausvater-tod) боится каждый, даже герой. И потому-то, откликается

¹ Кавелинъ. Собраніе сочиненій. Т. III, с. 981.

² Стр. 16.

на это Шиллеръ, «всю эту хитросплетенную ткань системъ разрываетъ одно единственное слово: ты долженъ умереть». Можно было бы безмѣрно утомить читателя аналогичными цитатами, но мы позволимъ себѣ прибавить къ приведеннымъ сужденіямъ слова одного изъ лучшихъ русскихъ умовъ: «всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежитъ въ понятіи живого организма. Она внѣ его предѣловъ. Старчество и болѣзнь протестуютъ своими страданіями противъ смерти, а не зовутъ ее, и найди они въ себѣ силы или внѣ себя средства, они бы побѣдили ее»¹.

Эта ахиллѣсова пята личности и заставляетъ ее смиряться передъ коллективомъ, который самъ не страдаетъ такимъ неустранимымъ дефектомъ. *Die Menschheit ist gross, die Menschen sind klein.* Человѣчество бессмертно. Но съ этимъ проф. Новгородцевъ спорить. «Человѣчество, говорятъ намъ Фейербахъ и Контъ, бесконечно и безгранично, оно изъято отъ случайностей личнаго существованія, оно совершенно и божественно». Проф. Новгородцевъ утверждаетъ, что это не такъ, что и человѣчество вовсе не бессмертно. Онъ думаетъ, что для доказательства этого достаточно одного и притомъ простаго соображенія. «Кто поручится, что задолго до счастливаго эпилога, среди драмъ и бурь обычной жизни, не прервется та череда перемѣнъ, которую мы наблюдали въ исторіи». Если же этотъ перерывъ совершится, то «весь прекрасный человѣческій міръ обращается тогда въ хаосъ небытія и забвенія». Все «божественное, абсолютное, бесконечное значеніе человѣчества повергается въ прахъ передъ возможностью такого исхода, и противъ этого абсолютному коллективизму нечего сказать»¹. Однако, это соображеніе, помимо простоты, врядъ ли имѣетъ еще какія либо другія достоинства. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, передъ нами, какъ говоритъ самъ Новгородцевъ, «поставленный въ зависимость отъ внѣшняго міра, отъ его непреклонныхъ законовъ, повергаемый въ ужасъ и отчаяніе фактами смерти человѣкъ, а съ другой — бессмертное на протяженіи

¹ Герценъ. Концы и начала. Т. X, с. 249 (Женевское изд.).

² Стр. 152.

тысячелѣтій человѣчество, относительно котораго никто не возьмется сказать, сколько еще тысячелѣтій оно можетъ существовать. Какъ же можно сопоставлять этотъ будущій въ глаза, неизмѣнно повторяющійся фактъ смерти съ отвлеченнымъ соображеніемъ о возможности уничтоженія всего человѣчества. Какое воображеніе можетъ вообще смутиться тѣмъ, что черезъ какой-то огромный невмѣщаемый человѣческимъ представленіемъ промежутокъ времени, можетъ произойти катаклизмъ, который поглотитъ безсмертное человѣчество? Нѣтъ, какія бы соображенія ни придумывать, какъ бы ни напрягать воображеніе, нельзя преодолѣть того сформировавшагося тысячелѣтіями убѣжденія, что человѣчество безсмертно въ противоположность человѣку, существованіе котораго до крайней степени прекарно. И даже въ томъ счастливейшемъ случаѣ, когда удастся преодолѣть тайну бытія нашего горячей вѣрой въ человѣческое безсмертіе, все равно: между этимъ безсмертіемъ и безсмертіемъ человѣчества нѣтъ ничего общаго.

Вотъ почему индивидуализмъ такъ неустанно изощрается въ отысканіи смысла и цѣли человѣческаго существованія, и, не находя его, довольствуется утвержденіемъ, что незачѣмъ смыслъ этотъ искать. Вотъ почему, какъ правильно указываетъ Іеллинекъ, индивидуализмъ, чувствующій подъ собою зыбкую почву, является основою ученій пессимизма. И, наоборотъ, коллективизмъ, для котораго все такъ ясно и такъ просто, служитъ неизсякаемымъ источникомъ оптимизма. «Универсализмъ и индивидуализмъ, говоритъ Іеллинекъ¹, сопоставляя ученія Лейбница и Шопенгауера, это тѣ два міровоззрѣнія, которыя составляютъ предпосылку оптимизма и пессимизма, ибо если индивидуализмъ только въ возможности самоубійства находитъ свое утѣшеніе и убѣжденіе, что человѣкъ не игральщикъ въ рукахъ неизвѣстной судьбы, а властелинъ самого себя, то естественно, что у него слагается мрачное міровоззрѣніе. Напротивъ, если у коллективизма этихъ основныхъ сомнѣній нѣтъ, если, наоборотъ, чтобы усомниться въ безсмертіи человѣчества, нужно напрячь разбиваемая дѣйствительностью усилія, если притомъ

¹ Ausgewählte Schriften. B. I, S. 28.

мы видимъ предъ собой неизмѣнные внѣшніе успѣхи, постепенный ростъ завоеваній человѣческой мысли, то естественно, что универсализмъ смотритъ увѣренно въ будущее, что его энергія постепенно стимулируется и направляется на усовершенствованіе человѣческаго общежитія. Поэтому то каждая побѣда коллективизма, каждое, такъ сказать, сошествіе его на землю неизмѣнно сопровождается появленіемъ утопій, удручающе однообразныхъ, но неизмѣнно общающихъ воцареніе рая на землѣ. Никакія, подчасъ, трагическія неудачи, сопровождавшія попытки реализовать заманчивыя обѣщанія, не мѣшаютъ появленію все новыхъ и новыхъ утопій, которыя еще болѣе смѣло общаются безоблачный рай на землѣ и съ еще большимъ успѣхомъ привлекаютъ къ себѣ беззавѣтно преданныхъ энтузіастовъ. Напротивъ, послѣ каждой новой неудачи эта вѣра и надежда все болѣе и болѣе крѣпнуть. Такъ проф. Новгородцевъ замѣчаетъ, что «мечта о золотомъ вѣкѣ, относимомъ или къ отдаленному прошлому или къ ожидаемому будущему, есть одно изъ самыхъ старыхъ человѣческихъ убѣжденій и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ самыхъ старыхъ человѣческихъ утѣшеній. Но въ указанную эпоху (конецъ XVIII и начало XIX вѣка) эта старая идея получила особенно яркій расцвѣтъ¹, а теперь «передъ нами совершается крушеніе одной очень старой вѣры — вѣры въ возможность земного рая»².

Такимъ образомъ, на протяженіи долгаго ряда вѣковъ съ какой-то астрономической правильностью происходитъ безнадежное чередованіе двухъ непримиримыхъ крайностей, причемъ каждая такая смѣна обыкновенно вызываетъ глубокія потрясенія, обходящіяся очень дорого и человѣку и человѣчеству. Въ эти страшныя минуты, слишкомъ хорошо знакомыя намъ, вольнымъ и невольнымъ участникамъ войны и революціи, и человѣкъ, и человѣчество страдаютъ одинаково тяжело, и они могли бы сказать другъ другу словами превосходнаго гейневскаго четверостишія: «Selten habt ihr mich verstanden, selten auch verstand ich euch. Nur wenn wir im Koth uns fanden, so verstanden wir uns gleich».

¹ Стр. 14.

² Стр. 4.

Чтобы составить себѣ болѣе отчетливое представление объ этихъ непрерывныхъ колебаніяхъ, — обратимся ко второй изъ упомянутыхъ книгъ. Вдохновенное произведение безвременно погибшаго отъ большевистскаго режима І. А. Покровскаго называется «Основные проблемы гражданскаго права», и посвящено тому же роковому вопросу о борьбѣ между индивидуализмомъ и коллективизмомъ (или, по выраженію проф. Покровскаго, персонализмомъ и трансперсонализмомъ).

На судьбѣ гражданскаго права эта борьба отражается съ особенной силой. Въ гражданскомъ правѣ государственная власть принципиально воздерживается отъ непосредственнаго и властнаго регулированія отношеній, она предоставляетъ это регулированіе инициативѣ и усмотрѣнію отдѣльныхъ лицъ, а сама занимаетъ позицію органа, охраняющаго то, что будетъ установлено другими. Иначе говоря, — публичное право есть область воздѣйствія власти, а гражданское — область свободы и частной инициативы, сфера свободы человѣческой личности и ея размахъ. Поэтому, чѣмъ щедрѣе государство по отношенію къ индивидуальной свободѣ или, наоборотъ, чѣмъ скупѣе индивидуумъ отрывается отъ самодовлѣнія въ пользу государства, тѣмъ шире раздвигаются границы гражданскаго права. Въ обратномъ случаѣ, эти границы суживаются въ пользу права публичнаго, которое безцеремонно проникаетъ въ самые интимные уголки индивидуальнаго существованія. Достаточно одного примѣра, чтобы сразу же почувствовать, до чего безнадежно томительное топтаніе на одномъ мѣстѣ. Проф. Покровскій упоминаетъ объ извѣстномъ *lex Iulia et Papia Poppaea*, устанавливавшемъ для всѣхъ мужчинъ и женщинъ опредѣленнаго возраста обязанность состоять въ бракѣ и имѣть дѣтей. Казалось бы, дальше этого римскаго постановленія идти уже некуда. Но послѣ безчисленныхъ колебаній маятника, по словамъ І. А. Покровскаго, «даже самые прогрессивные (?) въ нашемъ вопросѣ (т. е. въ вопросѣ о брачныхъ отношеніяхъ) кодексы, уложенія германское и швейцарское, стоятъ позади не только римскаго права, но и блаженной памяти прусскаго земскаго уложенія». А нѣкоторые русскіе «совдены» издали постановленія, запрещающія всту-

пать въ бракъ безъ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствванія.

Вообще, какой бы вопросъ гражданскаго права мы ни взяли, всюду мы наткнемся на такъ наз. «контраверзу», неизмѣнно мы встрѣтимъ на протяженіи времени два противоположныхъ рѣшенія. Такъ, напр., для возникновенія договора необходимы воля и волеизъявленіе. Воля и волеизъявленіе могутъ между собою расходиться. Что же въ такомъ случаѣ признать рѣшающимъ для признанія силы договора? Для древняго права здѣсь даже и проблемы не существовало. *Ein Mann — ein Wort*. Какова бы ни была воля — волеизъявленіе ее совершенно покрываетъ. Въ началѣ XIX вѣка волеизъявленіе уступило свое мѣсто волѣ. Но уже во второй половинѣ этого столѣтія волевая теорія является серіозной помѣхой лихорадочному обороту и, въ свою очередь, уступаетъ мѣсто побѣжденной было теоріи волеизъявленія. А теперь опять волевая теорія усердно борется за свое торжество и, по мнѣнію автора, «только въ принципѣ воли можетъ найти себѣ надлежащее выраженіе идея частной автономіи личности».

Возьмемъ ли мы проблему собственности на движимость, и здѣсь мы увидимъ такое же качаніе маятника между двумя противоположными приципами: *nemo ad alium plus juris transferre potest, quam ipse habet* — съ одной стороны, и *Hand muss Hand wahren* — съ другой. И сейчасъ А. Менгеръ называетъ этотъ послѣдній принципъ постоянно дѣйствующей экспропріаціей, а проф. Колеръ считаетъ его соціальнымъ принципомъ высшаго ранга.

Въ области наслѣдованія I. А. Покровскій устанавливаетъ, что въ первобытномъ обществѣ этого начала вовсе не существовало, оставшееся послѣ умершаго имущество становилось безхозяйнымъ. Съ такимъ положеніемъ не можетъ мириться все тотъ же экономическій оборотъ, и оно замѣняется противоположнымъ состояніемъ универсальнаго преемства съ полнымъ исключеніемъ права распоряжаться имуществомъ на случай смерти. *Solus deus heredem facere potest, non homo*. Затѣмъ выступаетъ на сцену начало завѣщательное, которое занимаетъ все болѣе почетное мѣсто. «Индивидуальная воля... заняла принципиально рѣшающее положеніе». Но это положеніе страстно оспаривалось, и французской революціи удалось провозгласить

полную отмѣну завѣщательной свободы. Въ дальнѣйшемъ свобода была восстановлена съ большими ограниченіями, а теперь социализмъ вообще отрицаетъ наслѣдованіе. Такимъ образомъ, всюду и вездѣ, всегда и непрестанно происходитъ здѣсь борьба между интересами личности и общества. А теперь социализмъ хотѣлъ бы ликвидировать эту борьбу полнымъ упраздненіемъ гражданского права. Такъ, Менгеръ утверждаетъ, что «важнѣйшая цѣль социализма состоитъ въ томъ, чтобы превратить институтъ нашего частнаго права въ институты публичнаго права (въ современномъ смыслѣ); такимъ образомъ, вмѣстѣ съ современнымъ государственнымъ строемъ исчезнетъ противоположность между частнымъ и публичнымъ правомъ»¹. Отсюда проф. Покровскій и дѣлаетъ логическое заключеніе, что «социализмъ принципиально отрицаетъ самое гражданское право».

7

Приэтомъ еще чрезвычайно любопытно и важно отмѣтить, какимъ образомъ совершается переходъ отъ началъ персонализма къ трансперсонализму и обратно. Средствомъ для этого служить такъ наз. естественное право, которое неизмѣнно выступаетъ на авансцену въ моменты кризисовъ.

Идея *juris naturalis*, естественнаго права, какъ чего-то самостоятельнаго, отличнаго отъ положительнаго права и выше надъ нимъ стоящаго, зародилась еще въ античномъ мірѣ и съ тѣхъ поръ «тянется непрерывно черезъ всю исторію умственнаго развитія Западной Европы, периодически усиливаясь и ослабѣвая. Сейчасъ, когда мы опять вступили въ полосу кризиса правосознанія, ничего нѣтъ удивительнаго, что мы снова переживаемъ возрожденіе естественнаго права, горячо привѣтствуемое именно нашими учеными. I. А. Покровскій полагаетъ, что колебаніе судебъ естественнаго права происходитъ «въ силу тѣхъ или другихъ причинъ», но изъ его же изложенія видно, что единственная причина заключается въ періодическомъ расхожденіи старѣющаго отъ времени положительнаго права съ измѣняющимся народнымъ правосознаніемъ. Въ тѣ

¹ Menger. Neue Staatslehre. S. 97. Цитирую по Б. А. Кистяковскому. Соціальныя науки и право. С. 578.

моменты, когда положительное право отвѣчаетъ народному правосознанію, къ нему тянутся всѣ взоры, законы пользуются уваженіемъ и авторитетомъ, а естественное право никого не интересуешь и о немъ совершенно забываютъ, словно его никогда и не существовало. Но зато въ такіе періоды, когда положительное право начинается тѣснить жизнь, ему противопоставляютъ *jus naturale*, абсолютныя начала разумной справедливости. Увы, въ различные историческіе моменты эти абсолютныя начала бываютъ весьма различны и всегда шатки! Великая французская революція, явившаяся, по мнѣнію автора, «кульминаціоннымъ пунктомъ естественно-правового настроенія», «начавъ съ провозглашенія правъ челоуѣка и гражданина, кончила тѣмъ, что стала попирашь самыя элементарнѣйшія изъ этихъ правъ». І. А. Покровскій объясняетъ это тѣмъ, что революція (прогрессъ??) смѣнилась реакціей. Но если и вѣрна эта субъективная оцѣнка, то объективно дѣло сводится къ тому, что, въ своей борьбѣ съ отжившимъ правомъ положительнымъ, *jus naturale*, добру и злу внимая равнодушно, готово служить кому угодно. Оно столь же ревностно помогаетъ великой французской революціи, какъ и прусскому просвѣщенному абсолютизму, столь же горячо проповѣдуетъ свободу, равенство и братство, какъ и государственную опеку надъ гражданами. Иначе говоря — естественное право своего собственнаго опредѣленнаго самостоятельнаго содержанія не имѣетъ, оно характеризуется моментомъ отрицанія дѣйствующаго права, каково бы ни было содержаніе послѣдняго, но при непремѣнномъ условіи, что это право устарѣло и отстало отъ народнаго правосознанія.

Это мысль отнюдь не можетъ претендовать на какую-либо новизну. Такъ, проф. Гессенъ, тоже отъ большевистскаго режима безвременно погибшій, говоря о возрожденіи естественнаго права, отмѣчаетъ, что «по удачному опредѣленію Іеллинека, естественное право, въ своей внутренней сущности, есть не что иное, какъ совокупность требованій, предъявляемыхъ измѣнившимся съ теченіемъ времени обществомъ или отдѣльными его лицами къ правотворческой власти»¹. Въ свою очередь Р. Штаммлеръ утверждаетъ, что теоріи естественнаго права объединяются

¹ Право, 1902 г., с. 637.

лишь въ отрицательномъ признакъ — противоположенія ихъ дѣйствующему праву ¹. Но юристы наши охотно объ этомъ забываютъ и создаютъ себѣ изъ естественнаго права какой-то идолъ. Даже такой выдающійся ученый, какъ Л. Петражицкій, рѣшается высказать, что въ началѣ XIX столѣтія естественное право потерпѣло «внезапное паденіе вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній относительно смысла и значенія ученій естественнаго права и разныхъ другихъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ политической реакціи послѣ французской революціи и паденія этическихъ идеаловъ» ². Не касаясь здѣсь странности попытки объяснять историческія явленія недоразумѣніями, можно безошибочно утверждать, что среди «разныхъ обстоятельствъ» того времени была единственная причина, уронившая значеніе естественнаго права — появленіе наполеоновскихъ кодексовъ, удовлетворявшихъ тогда общественное правосознаніе. Позже, когда эти кодексы устарѣли и разошлись съ жизнью, естественное право снова встало въ центрѣ вниманія.

Такъ какъ, однако, законодательство неизбежно отстаетъ отъ запросовъ жизни, то для успѣшности борьбы съ устарѣвшими и стѣснительными нормами, продолжающими сохранять силу закона, естественное право прибѣгаетъ къ обходнымъ и весьма рискованнымъ путямъ. Оно рекомендуетъ свободное толкованіе закона, и фактически это доходитъ вплоть до полнаго извращенія смысла его. «Давая, — говоритъ Покровскій, — судамъ свободу ихъ (правовыхъ нормъ) примѣненія, доктрины естественнаго права этимъ самымъ, невольно для себя, широко открывали дверь для судейскаго субъективизма и произвола». Этотъ произволъ, неудержимо разрастаясь, все сильнѣе и сильнѣе расшатывалъ правопорядокъ и достигалъ такой степени невыносимости, что взоры всѣхъ вновь обращались къ положительному праву, которое тѣмъ временемъ успѣвало уже реформироваться и требовало строжайшаго примѣненія точнаго смысла закона, не допуская «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій». И если моментъ расхожденія положительнаго права съ народнымъ правосознаніемъ выдвигаетъ афоризмъ: *summum*

¹ Статья *Das Recht* въ *Handwörterbuch* В. VI. S. 338.

² Введеніе въ изученіе права и нравственности. Предисловіе, с. V.

jus est summa injuria, то въ моменты, когда даетъ себя чувствовать торжество естественнаго права, юристы, нестѣсняющіеся дѣйствительнымъ содержаніемъ закона, получаютъ насмѣшливую кличку juris perditi (вмѣсто juris periti).

Таковъ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ подъ воздѣйствіемъ неустанной борьбы индивидуализма съ коллективизмомъ совершается «развитіе» гражданскаго права, и тѣ средства, къ которымъ необходимо прибѣгать, пытаясь изъ этого круга выскочить. Позволительно, поэтому, утверждать, что, въ сущности, едва ли можно говорить о развитіи, мы все пребываемъ въ концентрическихъ предѣлахъ тѣхъ контраверзъ, которыя были выкристаллизованы еще римскимъ правомъ и которыя съ теченіемъ времени становятся лишь болѣе сложными.

8

Мы остановились на гражданскомъ правѣ, потому что оно наиболѣе ярко отражаетъ борьбу двухъ противоположныхъ началъ, и убѣдились, что противорѣчіе между ними отнюдь не смягчается. Книга проф. Новгородцева, въ свою очередь, вполне, подтверждаетъ это въ масштабѣ наиболѣе широкомъ. Когда проф. Новгородцеву нужно представить образцы крайняго индивидуализма и крайняго коллективизма, онъ ищетъ ихъ не въ древности — у Платона и т. п. — и не въ средних вѣкахъ, которые отличались изуверствомъ въ послѣдовательности. Онъ находитъ эти образцы почти у нашихъ современниковъ и преподноситъ намъ ученія Маркса и Ницше. Не у Платона, не у Августина или Гегеля «надо видѣть послѣдовательное выраженіе абсолютнаго коллективизма», ибо эти философы признавали «надъ обществомъ высшее міровое начало добра, къ которому совершенное общеніе возводитъ челоуѣка». «Для того, чтобы имѣть абсолютный коллективизмъ въ его чистомъ и подлинномъ выраженіи, надо перейти къ такимъ мыслителямъ, какъ Фейербахъ, Марксъ, Контъ, у которыхъ общество становится богомъ и само по себѣ своимъ внутреннимъ совершенствомъ спасаетъ личность»¹. Рав-

¹ Стр. 143.

нымъ образомъ если надо взять такую доктрину, которая «съ особенной яркостью обнаруживаетъ не только отрицательныя, но и положительныя стороны крайняго индивидуализма, то, конечно, слѣдуетъ обратиться къ знаменитой морали сверхчеловѣка... Для того, чтобы дойти до абсолютнаго индивидуализма въ его наиболѣе законченной формѣ, надо взять именно Ницше, надо взять систему сверхчеловѣческаго аристократизма, въ которомъ самая идея общенія отрицается, мѣсто ея занимаетъ представление о самодовлѣющемъ и всеблагомъ сверхчеловѣкѣ, которому ничего не нужно, такъ какъ онъ все имѣетъ въ себѣ»¹.

Таковы результаты многовѣковаго крестнаго пути. Безчисленныя потрясенія, безчисленныя жертвы, сверхчеловѣческія усилія величайшихъ умовъ привели только къ тому, что утопіи земного рая, столько разъ терпѣвшія позорнѣйшее крушеніе, удостоились въ лицѣ Маркса попытки подведенія подъ нихъ научнаго основанія, а съ другой стороны, дерзость индивидуализма дошла до того, что онъ вообще сталъ отвергать самую необходимость общенія и замѣнилъ евангельскую любовь къ ближнему любовью къ дальнему. И если въ XVI столѣтіи что то роковое было въ томъ, что Боденъ и Макіавели, боровшіеся за освобожденіе личности изъ подъ власти церкви, сами принесли личность на алтарь государства, то многимъ ли лучше, что въ наши дни оба крайніе представителя противоположныхъ теченій мысли являются не только современниками, но и земляками, и оба имѣли, хотя и далеко неодинаковый, но шумный и широкій успѣхъ.

9

Однако, систематическая неудача попытокъ устранить антинomio личности и общества не останавливаетъ проф. Новгородцева. Несмотря на имѣющееся уже «безконечное

¹ Стр. 155. Наряду съ этимъ можно отмѣтить и комическія проявленія, имѣющія характеръ каррикатуры. Такъ, упомянутый Le Bon, который, какъ выше сказано, по отношенію къ французамъ видитъ заслугу войны въ томъ, что она превратила индивидуума въ ничто, говоря о нѣмцахъ, изъ которыхъ каждый представляетъ только un gouage, усматриваетъ въ этомъ отрицательную и угрожающую сторону германскаго развитія.

разнообразіе рѣшеній», онъ хочетъ указать «нѣкоторую новую точку зрѣнія, способную служить опорой и для теоретическихъ построеній, и для практическихъ вѣрваній». Эта новая точка, какъ можно заранѣе догадаться, заключается въ попыткѣ сгладить непримиримыя крайности, сгладить ихъ рѣзкости и найти среднюю линію. Авторъ большой почитатель и весьма высоко цѣнитъ индивидуальное начало. По его мнѣнію, личность имѣетъ безусловное значеніе. Входя въ общество, она не утрачиваетъ своего безусловнаго значенія. Но это категорическое заявленіе сразу же теряетъ свою опредѣленность, благодаря оговоркѣ, что однако это значеніе не самодовлѣющее. Съ другой стороны, проф. Новгородцевъ не соглашается съ тѣми, кто думаетъ, что общество есть только сумма индивидуумовъ, его образующихъ, что это — дополненная и расширенная личность. Нѣтъ! «Понятіе общества... носитъ въ себѣ указаніе не только на такое количество, не только на простое умноженіе и повтореніе отдѣльныхъ лицъ въ ихъ абстрактной сущности, но также и на новое качество, какъ новое конкретное единство, проистекающее изъ сочетанія различныхъ индивидуальностей въ высшемъ синтезѣ»¹. Но за этимъ совершенно опредѣленнымъ утвержденіемъ опять слѣдуетъ оговорка, отъ которой опредѣленность сразу расплывается. Хотя общество и представляетъ новое конкретное единство, но оно «отнюдь не является новой самостоятельной субстанціей». Надо признать, говорить проф. Новгородцевъ, что «исканія нашихъ дней раскрываютъ антиномію личнаго и общественного началъ», но это противорѣчіе лишь извѣстное, т. е. какъ бы устранимое. Мы уже видѣли выше, какъ почтенный авторъ пытается сгладить противорѣчіе между безсмертіемъ человѣчества и прекарнымъ существованіемъ человѣка. Точно такъ же, напримѣръ, авторъ рѣшительно не вѣритъ въ осуществимость гармоніи. «Что иное можетъ означать осуществленная гармонія, неизмѣнная солидарность душъ, какъ не тягостное насиліе надъ человѣческой свободой? Одно изъ двухъ: или гармонія, или свобода, или принудительный режимъ полного согласія, въ которомъ противорѣчія и различія стерты и

¹ Стр. 105.

уничтожены... или... свободная почва для всякихъ противорѣчій и конфликтовъ, на которой зрѣетъ и растетъ человѣческая личность»¹. Но, вмѣсто того, чтобы выбрать «одно изъ двухъ», проф. Новгородцевъ заявляетъ, что «извѣстная гармонія, извѣстное примиреніе противорѣчивыхъ интересовъ необходимы въ общественной жизни»².

Самое главное, однако, это то, что разъ полная гармонія не можетъ быть достигнута, а поскольку она достигается, она превращается въ насиліе, выходъ подсказывается самъ собой: не нужно вовсе гармоніи, не нужно осуществленія идеала. Можно отодвинуть идеаль въ безконечность и цѣлью человѣческаго существованія поставить стремленіе къ недостигаемому идеалу. Чтобы это не вызвало чувства безнадежности, сознанія Сизифова труда, можно утверждать, что каждая ступень на пути къ этой безконечности представляетъ самодовлѣющую сущность, т. е. дать варіацію приведеннаго выше кавелинского предложенія. «Вдумавшись въ понятіе абсолютно осуществленнаго идеала, мы должны сказать, что оно становится яснымъ лишь тогда, когда сочетается съ вѣрой въ чудо всеобщаго преображенія»³. Но здѣсь уже начинается эсхатологія, а для того, чтобы не сходить съ научной почвы, проф. Новгородцевъ предлагаетъ приучить свой взоръ смотрѣть въ безконечность и понять, что общественный идеаль только въ безконечномъ развитіи находить свое выраженіе⁴. И наконецъ, чтобы отнять «у этой перспективы безконечности ея безысходный и безнадежный характеръ», — нужно ставить «удареніе на другомъ членѣ формулы; прогрессъ относительныхъ явленій безконеченъ, но въ каждой ступени этого относительнаго прогресса осуществляется Абсолютное»⁵ (курсивъ подлинника). Какъ не вспомнить знаменитаго афоризма Лессинга въ его *Theologische Streitschriften*: «если бы Господь Богъ держалъ въ правой рукѣ всю истину, а въ лѣвой сокрылъ одно лишь вѣчно живое исканіе истины, хотя бы съ тѣмъ, чтобы всегда

¹ Стр. 124.

² Стр. 55.

³ Стр. 45.

⁴ Стр. 41.

⁵ Стр. 50.

и вѣчно ошибаться, и предложилъ бы мнѣ: выбирай! — я смиренно припалъ бы къ шуйцѣ Его и сказалъ бы: дай мнѣ это, Господи! Святая истина доступна только Тебѣ одному». Однако, то, что дѣлаетъ блестящимъ афоризмъ, едва ли можетъ служить основаніемъ для новой точки зрѣнія въ основномъ вопросѣ человѣческаго бытія, въ той области, гдѣ человѣку нельзя уйти отъ самого себя, отъ того разлада и тѣхъ противорѣчій которыя составляютъ существо его духа¹.

Отмѣчая эти особенности предлагаемой уважаемымъ авторомъ новой точки зрѣнія, я весьма далекъ отъ того, чтобы видѣть въ ней только логическую схему, оторванную отъ реальной дѣйствительности. Напротивъ, едва ли когда либо было болѣе умѣстно сказать — *der Wunsch ist der Vater des Gedankens*. Несомнѣнно, мысли объ отсутствіи самодовлѣнія, о необходимости «извѣстнаго» примиренія, о безусловномъ значеніи личности властно подсказаны самыми благородными побужденіями увидѣть, наконецъ, на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Однако, этотъ Wunsch не составляетъ каприза автора, это не есть фантазія, которая бываетъ своя у каждого барона. Напротивъ, проф. Новгородцевъ выражаетъ въ данномъ случаѣ если не общее, то широкораспространенное пожеланіе, тоже являющееся знаменіемъ опредѣленнаго историческаго момента. Какъ правильно указываетъ проф. Новгородцевъ, «исторія не представляетъ собою стройнаго ряда, ведущаго человѣчество по прямой линіи къ заключительному торжеству разума. Исторія есть сложная совокупность отдѣльныхъ усилій и дѣйствій, то прерывающихся, то снова сочетающихся, то параллельныхъ, то преемственныхъ, и, во всякомъ случаѣ, эмпирически несвязанныхъ въ единую цѣпь»². Сообразно съ этимъ, и смѣна индивидуализма коллективизмомъ, особенно въ связи съ непониманіемъ сущности совершающагося, не происходитъ съ той прямолинейной рѣзкостью, которая могла бы диктоваться послѣдовательнымъ разочарованіемъ въ той и другой системѣ. Эта смѣна прерывается или, вѣрнѣе сказать, задерживается попытками примиренія, желаніемъ обнять необъятное, что и создаетъ состояніе

¹ Стр. 2.

² Стр. 51.

расплывчатости, которое, очевидно, не только не въ силахъ предотвратить очередной кризисъ, но дѣлаетъ его, цѣной нѣкоторой отсрочки, еще болѣе острымъ и, что наиболѣе страшно, болѣе стихійнымъ.

Съ точки зрѣнія этого предлагаемаго проф. Новгородцевымъ наблюденія надъ ходомъ исторіи, чрезвычайно любопытной представляется, на примѣръ, самая книга его. Она дѣлится на двѣ почти равныя части. Первая посвящена весьма обстоятельному анализу сущности проблемы общественнаго идеала, причѣмъ проф. Новгородцевъ совершенно правильно указываетъ, что «старый споръ, хотя и вступившій въ новую фазу, все же не сдвинется далѣе съ мѣста, пока не будетъ выяснена точно проблема соотношенія личности съ обществомъ»¹. А вторая часть занята критикой социалистическихъ ученій, преимущественно теоріи Маркса. Проф. Новгородцевъ обнаруживаетъ поразительное знаніе социалистическихъ ученій, и соотвѣтственно съ этимъ, его критика, имѣющая цѣлью выяснить ненаучность марксовской теоріи, отличается большой солидностью и имѣетъ исчерпывающій характеръ. Но это нисколько не устраняетъ несоотвѣтствія между двумя частями книги. Ибо если бы теорія Маркса была и совсѣмъ свободна отъ тѣхъ недостатковъ, которые такъ беспощадно вскрываетъ проф. Новгородцевъ, его отношеніе къ системѣ крайняго коллективизма осталось бы совершенно такимъ же. Съ точки зрѣнія проблемы о соотношеніи между личностью и обществомъ, отъ которой зависитъ судьба «старого спора», гораздо важнѣе самый фактъ, что крайній коллективизмъ не только не сдаетъ своихъ позицій, но напротивъ, старается подвести подъ свою постройку, которая такъ часто рушилась, научный фундаментъ, и что отвѣтомъ на это служить появленіе въ той же Германіи системы крайняго индивидуализма, столь яркой и послѣдовательной, что она оставляетъ далеко позади за собою всѣ прежнія попытки. Но увлеченный желаніемъ дать новую точку зрѣнія, проф. Новгородцевъ естественно стремится расчистить для нея почву и потому сокрушаетъ социалистическое ученіе. А между тѣмъ, чѣмъ энергичнѣе авторъ борется съ теоріей Маркса, чѣмъ больше онъ углубляется въ ея сущность, чтобы вскрыть ея недостатки, гѣмъ больше

¹ Стр. 203.

онъ затемняетъ сущность основной проблемы, тѣмъ настойчивѣе онъ внушаетъ ложную мысль, что не будь теории Маркса присущи всѣ эти недостатки, система крайняго коллективизма имѣла бы свой *raison d'être*.

Внушеніе это поддерживается тѣмъ, что изъ обѣихъ крайностей проф. Новгородцевъ старается извлечь элементы, сочетаніе коихъ должно открыть истину. Поэтому, хотя результатомъ абсолютнаго индивидуализма является внутреннее опустошеніе человѣка (стр. 162), тѣмъ не менѣе проф. Новгородцевъ все же находить ученіе Ницше творческимъ и вѣрующимъ, въ его страстной проповѣди онъ видитъ цѣнное и важное поученіе о значеніи начала личности (стр. 162) и думаетъ, что «нищестанство есть яркое и сильное выраженіе нѣкоторыхъ основныхъ потребностей нашего времени» (стр. 170). Съ другой же стороны и социализмъ, какъ онъ ни утопиченъ, «формулировалъ насущныя и очередныя задачи историческаго развитія, и вся сила его была именно въ томъ, что муки и боли современности онъ ставилъ въ центръ своихъ практическихъ требованій». «Онъ былъ исторической необходимостью, насущнымъ требованіемъ времени... Основное зерно марксизма глубоко вошло въ сознаніе и стало необходимымъ элементомъ каждой политической системы, притязающей на титулъ современности (стр. 506, 507).

Такимъ образомъ, хотя крайности абсолютнаго индивидуализма и вызываютъ крайности абсолютнаго коллективизма и обратно, какъ отмѣчаетъ проф. Новгородцевъ, но въ результатъ оказывается, что это столкновеніе рождаетъ истину, и на протяженіи вѣковъ, какъ индивидуализмъ такъ и коллективизмъ пришли къ тому, что отдали человѣчеству лучшее, что въ ихъ содержится, сумѣли отвѣтить жгучимъ нуждамъ современности. Остается лишь недоумѣвать, откуда же въ такомъ случаѣ происходитъ кризисъ современнаго правосознанія, который давно уже поглощаетъ неутомимую энергію талантливаго автора. Если наиболѣе яркое выраженіе крайняго индивидуализма приобрѣло творческой характеръ, если наиболѣе рѣшительная система крайняго коллективизма вошла своимъ основнымъ зерномъ во всѣ серьезныя политическія системы современности, то должно было ожидать, что мы близимся, если не къ рѣшенію «стараго спора», то во всякомъ случаѣ къ его смягченію, но уже никакъ нельзя

было рассчитывать на то, что мы вступаемъ въ новый кризисъ, и что исканія нашихъ дней, какъ мы уже слышали, будутъ все больше и больше раскрывать антиномію личности и общества. Въдѣ эти успѣхи крайнихъ воззрѣній, отмѣчаемые проф. Новгородцевымъ, имѣютъ не абстрактное значеніе, а глубоко практическое. Какъ справедливо указываетъ англійскій либераль Самюэль, «въ практикѣ современнаго государства границы либерализма и социализма стираются; ихъ различіе въ степени эмпирической и научной точности при осуществленіи своихъ задачъ. При этихъ условіяхъ на социализмъ выпадаетъ благодарная роль ускорять процессъ социальныхъ реформъ, осуществляемыхъ правовымъ государствомъ»¹.

10

Въ чемъ же дѣло? Откуда кризисъ? Гдѣ тутъ кроется недоразумѣніе? Прежде всего, совершенно напрасно проф. Новгородцевъ усматриваетъ положительную сторону обѣихъ крайностей въ томъ, что онѣ отвѣчаютъ исканіямъ современности. Если двѣ противоположныя крайности отвѣчаютъ требованіямъ момента, то приходится же вновь вернуться къ столь ненавистному для проф. Новгородцева утвержденію софистовъ, что всѣ правы по-своему. Но, въ сущности, требованія современности здѣсь не при чемъ. Мы, въдѣ, знаемъ уже изъ первой части книги, что наши крайности никогда не умирали, что «старый споръ» не прекращался ни на минуту, и проблема эта неизмѣнно пребывала злободневной. Мы знаемъ далѣе, что «основное зерно» какъ индивидуализма, такъ и коллективизма вполне здоровое и даетъ роскошныя, буйныя ростки. Ницшеанизмъ и марксизмъ, какъ указываетъ и самъ проф. Новгородцевъ, ничего новаго по существу не дали, они лишь наиболѣе умѣло, очень глубоко это зерно — каждый свое — посадили, и урожай поэтому получился исключительно обильный. Но противорѣчіе между двумя крайностями не исчезло, напротивъ, антиномія обострилась еще сильнѣе именно благодаря отмѣченнымъ попыткамъ примиренія, благодаря тому, что, какъ мы видѣли, политическіе дѣятели утѣшаются тѣмъ, что въ практикѣ современнаго государства границы либерализма и социализма стираются.

¹ Новгородцевъ, с. 503.

Несомнѣнно, эта попытка примиренія представляетъ страницу наиболѣе любопытную и высоко-поучительную. Характерно, что возникла она сейчасъ же послѣ появленія социалистическаго ученія Маркса и знаменательно также и то, что обѣ стороны равно охотно протянули другъ другу руку. Я имѣю въ виду, конечно, Лассалья, огромный практическій умъ котораго сразу же понялъ, въ какое двусмысленное положеніе ставить себя марксизмъ.

Вѣдь всѣ прежнія многочисленныя утопіи преподносились, такъ сказать, внѣ времени и пространства и совершенно оторванно отъ вопроса объ ихъ практической осуществимости, о переходѣ къ нимъ отъ существующаго порядка. Напротивъ, Марксъ, давая своему ученію научное обоснованіе, представляетъ социалистическій укладъ, какъ необходимаго неизбѣжнаго преемника современнаго капиталистическаго строя, послѣ того, какъ этотъ послѣдній достигнетъ наивысшаго своего развитія, дойдетъ до своего самоотрицающаго апогея. Отсюда вытекало, что всякій искренній социалистъ, жаждущій скорѣйшаго воцаренія социализма на землѣ, долженъ всячески содѣйствовать успѣхамъ капитализма, долженъ способствовать пролетаризаціи рабочаго класса.

Какъ разъ на-дняхъ одинъ изъ современныхъ революціонеровъ, вспоминая свои студенческіе годы, признавался, что онъ «неоднократно задавалъ своимъ товарищамъ вопросъ: Что важнѣе, построить новую фабрику или распропагандировать рабочихъ на фабрикѣ. Увы, мои товарищи — готовъ признать неудачнымъ ихъ подборъ — не могли дать въ отвѣтъ ничего, кромѣ наивныхъ попытокъ разрѣшить проблему количественнымъ методомъ, указаніемъ, что надо ставить пропаганду не на одной, а на многихъ фабрикахъ, и это нужнѣе, чѣмъ постройка одной новой фабрики, о чемъ позаботятся и безъ насъ... Стыдно признаться, даже нынѣ, въ плоскости обычной идеологіи социалистическихъ теченій я не нахожу полного разрѣшенія вопроса, поставленнаго въ давніе годы»¹.

Лассаль, отчетливо подмѣтилъ это самоубійственное противорѣчіе, которое лишало новое ученіе шансовъ на практическій успѣхъ у массъ, и пришелъ къ выводу, что вмѣсто того, чтобы ставить себя въ столь фальшивое положеніе,

¹ Юная Россія, № 2, В. Станкевичъ.

нужно организовать рабочих на лозунгъ борьбы за улучшение своего положенія, на лозунгъ социальныхъ реформъ. Съ другой стороны, и Бисмаркъ, съ его трезвымъ умомъ, сразу понялъ, что современному строю выгодно расчислить по возможности широкое русло для этого движенія, которое унесетъ почву изъ подъ ногъ социализма. Какъ извѣстно, у Бисмарка было нѣсколько свиданій съ Лассалемъ, и онъ сильно подчинился вліянію послѣдняго. Въ 1871 г. Бисмаркъ писалъ министру торговли Иценпліцу, что нужно осуществить социалистическія требованія, поскольку они являются обоснованными и могутъ быть осуществлены въ рамкахъ существующаго строя. Въ свою очередь — уже послѣ смерти Лассалья, одинъ изъ его ближайшихъ послѣдователей, Швейцеръ, помѣстилъ въ «Соціаль-Демократъ» статью, которую нельзя назвать иначе, какъ апофеозомъ государственнаго мужа «крови и желѣза», а въ 1867 г. на перебаллотировкѣ въ Эльберфельдъ-Барменѣ лассальянцы подавали свои голоса за Бисмарка¹.

Такимъ-то образомъ Германія и стала родиной государственнаго социализма, нашедшаго себѣ затѣмъ широкое распространеніе во всѣхъ странахъ капиталистическаго хозяйства. Большую честь прозорливости Маркса и Энгельса дѣлаетъ то, что они, съ своей стороны, отлично поняли, какую опасность для нихъ представляетъ Лассаль. «Er war für uns gegenwärtig ein sehr unsicherer Freund, zukünftig ein ziemlich sicherer Feind»². Такъ писалъ Энгельсъ при полученіи извѣстія о смерти Лассалья и точно такъ же, въ свою очередь, могъ бы и Ницше по отношенію къ своимъ друзьямъ воскликнуть: Избави насъ, Боже, отъ друзей нашихъ, а съ врагами мы сами справимся. Но ни Маркъсъ, ни Энгельсъ не предвидѣли, что социаль-демократія не сможетъ остаться на позиціи марксизма и, какъ блестяще показываетъ въ своей книгѣ проф. Новгородцевъ, либо послѣдуетъ за Лассалемъ и пойдетъ по пути реформизма, либо выродится въ анархосиндикализмъ. Впрочемъ, въ тщетной борьбѣ съ упомянутой опасностью Маркъсъ и самъ нерѣдко перемѣщаль центръ тяжести своего ученія, которое такимъ образомъ

¹ Handwörterbuch, II, S. 922.

² Новгородцевъ, с. 324.

и становилось двойственнымъ, двуликимъ, и давало обоимъ направленіямъ одинаково прочныя основанія ссылаться на авторитетъ учителя.

Между тѣмъ очевидно, что если бы схема Маркса осуществилась, если бы социалистическій строй преемственно пришелъ на смѣну капиталистическому, онъ встрѣтилъ бы соотвѣтствующую общественную психологію, для него сложилось бы подходящее настроеніе и въ теченіе какого-то промежутка времени человѣчество чувствовало бы себя привольно, воцарилось бы то состояніе удовлетворенности, которое Герценъ съ такимъ жгучимъ презрѣніемъ называетъ мѣщанствомъ.

Новое настроеніе сохранилось бы до новаго кризиса, конечно. Большую ошибку дѣлаютъ нѣкоторые критики социализма, въ частности, напримѣръ, Шеффле въ *Quintessenz des Socialismus*, — которые при оцѣнкѣ будущего социального уклада не стараются отрѣшиться отъ своего міровоззрѣнія и, примѣряя этотъ укладъ на себя, естественно, ужасаются тѣхъ, противоположныхъ нынѣшнимъ, порядковъ, которые намѣчаетъ социалистическая схема. Но не зря же говорится, что выше ушей своихъ не прыгнешь. Отсутствие и забвеніе исторической перспективы составляетъ несомнѣнно самый распространенный недостатокъ. Такова уже человѣческая психологія, что каждый оцѣниваетъ состояніе другого по тому, какъ бы онъ самъ себя чувствовалъ, если бы въ такомъ положеніи находился. Нужно быть человѣкомъ выдающихся душевныхъ качествъ, чтобы не навязывать своимъ дѣтямъ, своимъ близкимъ своего собственного представленія о счастьѣ и несчастьѣ и признать за ними «равноправіе» въ опредѣленіи своей судьбы.

Въ рѣшительности осужденія социализма дальше всѣхъ идетъ, конечно, Ницше, который утверждаетъ, что «социализмъ фанатическій — младшій братъ деспотизма... Социализмъ стремится къ столь полной власти государства, какой деспотизмъ никогда не обладалъ, онъ даже превосходитъ все, что существовало въ прошедшія времена, такъ онъ работаетъ ради полнѣйшаго уничтоженія личности». Все это безусловно вѣрно съ точки зрѣнія современной психологіи. Но столь же вѣрно и противоположное заявленіе социалистовъ, что «въ будущемъ демократическомъ обществѣ не будетъ и рѣчи о тираніи или о

какомъ бы то ни было подавленіи. Тайна единенія индивидуумовъ заключается въ ихъ дисциплинѣ, которая однако же должна быть понимаема не какъ безжизненное послушаніе въ войскахъ, а только какъ подчиненіе личности общинѣ, когда это требуется для общаго блага»¹. Это противоположное нищевскому утвержденіе тоже вѣрно, поскольку рѣчь идетъ о тѣхъ чувствахъ, какія испытывали бы въ теченіе извѣстнаго времени члены осуществленнаго с.-демократическаго государства. Ибо въ дѣйствительности же и психологія будущаго человѣка была бы тоже противоположной, чуждой современнымъ настроеніямъ. Она не только мирилась бы, но въ началѣ съ восторгомъ и горячей вѣрной воспринимала бы новые порядки.

Теперь же случилось нѣчто совершенно иное. Соціализму, — какъ говорить проф. Новгородцевъ, — выпала благодарная роль ускорять соціальныя реформы, осуществляемыя современнымъ, глубоко враждебнымъ ему и противоположнымъ соціальнымъ строемъ, охотно пошедшимъ навстрѣчу требованіямъ соціализма. «Есть, — говоритъ П. И. Новгородцевъ, — въ одномъ изъ раннихъ произведеній Маркса мѣсто, въ которомъ этотъ здоровый историческій корень соціализма выражается съ классической силой и простотой. «Неимѣніе (это говоритъ Марксъ) не есть только категорія, а весьма печальная дѣйствительность, ибо человѣкъ, который ничего не имѣетъ, въ настоящее время и самъ есть ничто: онъ отрѣзанъ какъ отъ существованія вообще, такъ, еще болѣе того, отъ человѣческаго существованія... Неимѣніе, это самый отчаянный спиритуализмъ, это полнѣйшая недѣйствительность человѣка. Это очень положительное имѣніе: имѣніе голода, холода, болѣзней, преступленій, униженія, идиотизма, всякой нечеловѣчности и противоестественности»¹. Все это совершенно и безусловно справедливо. Но столь же вѣрно и то, что нельзя поставить себѣ непосредственную цѣль — надѣлать неимущихъ, уничтожить это «положительное имѣніе», возсоздать національныя мастерскія или что-нибудь въ такомъ родѣ. Ликвидация этой печальной дѣйствительности можетъ явиться лишь въ результатѣ

¹ Herzberg. Sozialdemokratie und Anarchismus.

² Стр. 507.

опредѣленной соціальной системы, которую Марксъ и предлагаетъ и которая базируется на принципѣ, противоположномъ современному строю: послѣдній, употребляя столь нашумѣвшее въ свое время выраженіе, дѣлаетъ ставку на сильныхъ, въ то время какъ соціалистическій строй сосовершаетъ равненіе по слабому. Это основное принципиальное различіе пропитываетъ всѣ человѣческія отношенія, всю хозяйственную, юридическую и духовную жизнь общества и отражается вездѣ и во всемъ.

Яркимъ примѣромъ можетъ служить исторія новаго германскаго гражданскаго уложенія, которое разрабатывалось въ моментъ наибольшаго расцвѣта государственнаго соціализма. Между первоначальнымъ проектомъ, питавшимся источниками римскаго права, и окончательной редакціей, приспособленной къ требованіямъ соціальныхъ реформъ, лежитъ цѣлая пропасть. Во второй проектъ¹ вошло «много новыхъ идей, а нѣкоторыя части были переработаны заново такъ, что въ цѣломъ вторую редакцію слѣдуетъ считать новымъ, самостоятельнымъ произведеніемъ». А случилось это потому, что пока комиссія работала, они не замѣтили, что именно въ это время въ соціальныхъ отношеніяхъ и связанныхъ съ ними запросахъ къ праву произошли такія перемѣны, благодаря которымъ вся ихъ работа получила совершенно ложное направленіе². Если первый проектъ, иронически прозванный «Маленькимъ Виндшейдомъ», считаетъ своей основной задачей огражденіе прочности гражданскаго оборота, то второй усматриваетъ свое назначеніе въ томъ, чтобы защитить слабѣйшаго отъ сильнѣйшаго. Но при этомъ, несмотря на столь различный характеръ задачъ, вторая редакція не была разработана заново. Въ основу ея все же былъ положенъ первый проектъ, который, какъ сейчасъ было сказано, усиленно перекраивался. Такъ стиралась граница между либерализмомъ и соціализмомъ, а въ результатѣ соціалисты (Менгеръ) имѣли возможность доказывать, что герм. гражд. уложеніе стоитъ на старыхъ принципахъ свободной игры интересовъ, а индивидуалисты съ такимъ же успѣхомъ изобличаютъ чрезмѣрное, переходящее въ опеку, вмѣшательство государства въ частно-правныя от-

¹ Бернгейфъ, Герм. гр. улож. с. 28.

² Ib. с. 20.

ношенія и узаконеніе произвола судей, подсказываемое естественнымъ правомъ.

А что сказать о тѣхъ экспериментахъ, которые на нашихъ глазахъ были продѣланы русской революціей. Когда, напримѣръ, въ типографскомъ дѣлѣ отмѣнена была сдѣльная плата и былъ установленъ переходъ на жалованье, определенное по среднему заработку нормального рабочаго, а норма работы исчислена была по силамъ слабѣйшихъ, то книгопечатаніе сразу стало малодоступной роскошью, и представители петроградскихъ журналовъ всѣхъ политическихъ направленій указали, что они лишены возможности «продолжать свою культурную и государственную работу» и что создавшееся положеніе угрожаетъ національной катастрофой. Словомъ, чѣмъ охотнѣе либерализмъ самъ шелъ навстрѣчу требованіямъ социализма или чѣмъ сильнѣе вѣдрялись социалистическія начала въ капиталистическій строй, тѣмъ больше увеличивалась разруха и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все сильнѣе росло недовольство.

Важно при этомъ отмѣтить, что, употребляя столь модное нынѣ слово, «согласатели» либерализма съ социализмомъ категорически отказываются довольствоваться практическими компромиссами, а требуютъ именно принципиальныхъ уступокъ, намѣреннаго сочетанія противоположныхъ началъ. Такъ, напр., выдвинутая государственнымъ социализмомъ система обязательнаго государственнаго призрѣнія признается теперь недостаточной и на ея мѣсто притязаетъ «право на достойное человѣческое существованіе». Эта новая проблема усердно разрабатывается въ послѣднее время. Проф. Новгородцевъ взялъ на себя задачу показать, что это право уже пріобрѣтаетъ ясныя юридическія очертанія. Проф. Покровскій тоже «стремится найти ея (этой проблемы) теоретическое разрѣшеніе», но и этого мало, потому что «онъ какъ бы старался выдвинуть его въ сферу частнаго права». Поэтому Б. А. Кистяковский, которому и принадлежать приведенныя сужденія, отвергаетъ эти попытки, настаиваетъ на томъ, что право на достойное человѣческое существованіе есть такое же субъективное публичное право, какъ право неприкосновенности личности. А отсюда уже Б. Кистяковскому рукой подать до такого заключенія, что «между современнымъ правовымъ государствомъ и тѣмъ государствомъ, которое осуществить социальную справедливость, нѣтъ принципі-

альной и качественной разницы, а есть только разница въ количествѣ и степени»¹. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы доказать совмѣстимость такого субъективнаго публичнаго права съ существующимъ общественнымъ укладомъ, Б. А. Кистяковскій считаетъ «проблему» рѣшеной и съ помощью такого удачнаго *petitio principii* простымъ взмахомъ пера зачеркиваетъ всѣ трагическія противорѣчія между капиталистическимъ и социалистическимъ строемъ.

Само собой разумѣется, что если бы капиталистическій строй предоставленъ былъ своему дальнѣйшему развитію безпрепятственно и особенно, если бы вообще не пытались смягчить и ослабить его анархическія тенденціи, то не только не воцарился бы рай на землѣ, но недовольство разливалось бы все шире, вѣроятно, борьба стала бы еще ожесточеннѣе. Но зато всѣ положительныя стороны нынѣшнихъ порядковъ могли бы себя проявить полностью, а, главное, — положеніе рисовалось бы гораздо проще и отчетливѣе. Вѣдь, самому Марксу схема перехода отъ капитализма къ социализму представлялась въ видѣ безболѣзненнаго, неизбѣжнаго преемства. «Никакая общественная формація, говоритъ Марксъ, не погибнетъ прежде, чѣмъ не разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно широка, и новыя болѣе высокія производительныя отношенія не явятся на ея мѣсто, прежде чѣмъ не будутъ подготовлены матеріальныя условія для ея существованія въ нѣдрахъ ея существованія»¹. Осуществляя же тѣ реформы, которыя должны были вытекать изъ воцаренія социализма на землѣ, сталкивая два исключających одно другое начала, мы очевидно мѣшали естественному ходу этого процесса и тѣмъ задерживали безъ пользы его закономѣрное развитіе, вмѣсто того чтобы, сознавая неизбѣжность этого развитія, стараться направить стихію въ опредѣленное русло.

Проф. Новгородцевъ съ этимъ, повидимому, несогласенъ. Онъ говоритъ, что «въ наше время нерѣдко повторяютъ утвержденіе, что «теперь всѣ стали социалистами»; и если подъ социализмомъ понимать политику социальныхъ реформъ, основанную на идеѣ публично правового регулированія экономическихъ отношеній, то указанное

¹ Соціальныя науки, с. 591.

² Новгородцевъ, с. 253.

утвержденіе будетъ близко къ истинѣ. Въ этомъ широкомъ смыслѣ социализмъ дѣйствительно торжествуетъ побѣду надъ старымъ отвлеченнымъ (?) либерализмомъ, основанномъ на принципѣ невмѣшательства въ экономическую область. Однако, когда мы говоримъ о социализмѣ Маркса... мы имѣемъ въ виду нѣчто безконечно большее и существенно иное. Социализмъ абсолютный имѣетъ въ виду не отдѣльныя реформы, не частичное преобразование общественныхъ отношеній, а всецѣлое и безусловное преображеніе жизни. Недостаточно было бы сказать, что онъ стремится къ обобществленію средствъ производства и связываетъ съ мыслью объ этомъ экономическомъ переворотѣ матеріальное благосостояніе массъ. Не только матеріальное благополучіе, но и духовное удовлетвореніе... вотъ что составляетъ сущность и особенность социализма Маркса»¹. Какъ кстати проф. Новгородцевъ воспользовался этимъ столь памятнымъ намъ противопоставленіемъ реформъ реформѣ, которое сдѣлано было въ послѣдніе годы самодержавнаго режима, когда онъ пытался осуществить частичныя нововведенія, для обезпеченія коихъ и шла борьба за конституціонный строй. Кто же не помнитъ, какъ всѣ эти усилія не давали никакихъ положительныхъ результатовъ, все сильнѣе ослабляли прежній порядокъ и все больше запутывали положеніе.

Такъ и въ данномъ, безмѣрно сложнѣйшемъ, случаѣ. Ничего «существенно иного» социализмъ Маркса въ себѣ не содержитъ, существо, напротивъ, одно и то же. Кистяковскій прямо признаетъ, что «своимъ новѣйшимъ социальнымъ законодательствомъ оно (современное государство) какъ бы разлагаетъ одну большую цѣль на множество мелкихъ и частныхъ социально-экономическихъ задачъ», и мы знаемъ отъ самого же проф. Новгородцева, что именно основное зерно марксизма вошло необходимымъ элементомъ въ любую политическую систему современности. Но марксизмъ правильно считаетъ, что для того, чтобы ростки, которые должно дать это зерно, возшли пышно и принесли ожидаемые плоды, необходимо создать соотвѣтствующую атмосферу; чтобы такіе плоды всѣмъ нравились, нужно воспитать подходящую психологию, нужно, какъ говорить проф. Новгородцевъ, превра-

¹ Стр. 245.

тить экономическую проблему въ религиозную. Вотъ почему, поскольку можно говорить о наступившемъ уже крушеніи социализма, постольку отвѣтственность за это падаетъ всецѣло и исключительно на тѣхъ, кто осуществлялъ социалистическія начала въ условіяхъ, имъ противоположныхъ и ихъ исключающихъ, падаетъ на т. н. реформизмъ, внѣбрачнымъ отцомъ коего былъ Лассаль. Марксизмъ здѣсь не причеъ, уже хотя бы по одному тому, что Марксъ относилъ свои обѣтованія въ далекое будущее, а массы никогда не разочаровываются въ томъ, что еще не было объектомъ тяжелаго личнаго опыта. Но реформизмъ, который такъ горячо протянулъ руку либерализму, который всталъ на практическую почву и взялся за осуществленіе отдѣльныхъ требованій социалистической программы въ условіяхъ, прямо противорѣчащихъ произрастанію основного зерна социализма, этотъ реформизмъ, такъ сказать, размѣнялъ марксизмъ на мелкую монету, превратилъ идеалистическія стремленія въ сѣренькую будничную работу и суетливость, которая не принесла существенныхъ измѣненій. Забѣнивъ яркіе лозунги житейскими интересами, реформизмъ низвелъ марксизмъ съ небесъ на землю, дискредитовалъ его, ибо если вѣра безъ дѣла мертва, то не менѣе бессмысленны и безцѣльны дѣла безъ вѣры.

Весьма рѣако говорить объ этомъ переходѣ С. Н. Булгаковъ, называя такую работу филистерски святотатственной: «На очередь ставилось все больше практическихъ задачъ, заслонившихъ конечныя цѣли. На смѣну прежнему социально-политическому утопизму явился социально-политическій реализмъ, совершенно случайно связанный съ именемъ Бернштейна. Современное развитіе отличается, такимъ образомъ, двустороннимъ характеромъ; съ одной стороны — усиливаются практическія завоеванія рабочаго сословія; съ другой, утериваются и убиваются прежнія религиозно-восторженныя вѣрованія: въ полумракъ святилища вносится дневной прозаическій свѣтъ»¹.

Такимъ образомъ амальгама либерализма съ социализмомъ отнюдь не предотвратила кризиса, она его и ускорила, и притомъ осложнила, безнадежно перепутавъ причины и слѣдствія, затушевавъ всѣ противорѣчія. Во вся-

¹ Отъ марксизма къ идеализму, с. 154.

комъ же случаѣ, предлагаемая проф. Новгородцевымъ точка зрѣнія, какъ видно изъ сказаннаго, едва ли можетъ теперь претендовать на эпитетъ новой; она уже стара, испытана на практикѣ, давшей самые печальные результаты.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что наряду съ сильнѣйшимъ увлеченіемъ, которое вызвалъ государственный социализмъ, были и предостерегающіе голоса. Такъ — Анри Мишель, сопоставляя государственный социализмъ съ просвѣщеннымъ деспотизмомъ, предсказывалъ, что его сочетаніе съ либерализмомъ лишь усугубитъ кризисъ. «Вмѣсто того, чтобы укрѣпить существующій строй, онъ (т. е. государственный социализмъ) ослабитъ его по отношенію къ его противникамъ, разрушая въ массахъ чувство инициативы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чувство ответственности... Однако, государственный социализмъ не появился бы на свѣтъ, а если и появился бы, то не принялъ бы такого развитія, не оказывалъ бы такого обаянія на умы, не создалъ бы цѣлаго легіона теоретиковъ и простаковъ, не тревожилъ бы многихъ совѣстей, если бы онъ не отвѣчалъ, хотя и дурно, на нѣкоторыя изъ условій современнаго положенія. Во всякомъ случаѣ существованіе и успѣхъ государственнаго социализма прибавляются ко всѣмъ другимъ доказательствамъ кризиса и дѣлаютъ еще болѣе настоятельнымъ его преращеніе»¹.

11

Всѣ высказанныя соображенія, навѣянные благородной книгой П. И. Новгородцева, въ сущности своей могутъ быть сведены къ двумъ, тремъ положеніямъ. Начала индивидуализма и коллективизма роковымъ образомъ обречены на вѣчную взаимную борьбу съ перемѣннымъ успѣхомъ. Борьба эта съ теченіемъ времени, съ ростомъ культуры, съ успѣхами техники все болѣе осложняется, но отнюдь не смягчается. Попытки примиренія, которыя отъ времени до времени наблюдаются и тщатся найти какую-то равнодѣйствующую, представляютъ и сами по себѣ не больше чѣмъ тотъ моментъ, когда маятникъ въ своей неизмѣняющейся амплитудѣ качанія на мгновеніе оказывается въ перпендикулярномъ

¹ Идея государства, стр

положеніи, иначе говоря это одно изъ тѣхъ положеній, которое наше *perpetuum mobile* во время качанія занимаетъ.

Самымъ категорическимъ образомъ нужно отвергнуть предположеніе, что амплитуда качанія маятника уменьшается, что противорѣчія смягчаются и сообразно съ этимъ падаетъ интенсивность борьбы. Правда, теперь не сбрасываютъ съ Тайгетской скалы, не убиваютъ стариковъ и изумляются изувѣрствамъ среднихъ вѣковъ, совершавшимся во имя бога. Но такого жертвоприношенія, какое потребовала нынѣшняя война и русская революція, міръ еще никогда не видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ. И если теперь пожеланіе Анри Мишеля о скорѣйшемъ прекращеніи кризиса, быть можетъ, и близко къ осуществленію, то какой же страшной цѣной мы за это заплатимъ.

Война и русская революція довершаютъ то дѣло, которое начато было реформизмомъ. Эти два одинаково страшныя явленія даютъ *coup de grâce* коллективизму, который послѣ войны надолго будетъ похороненъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нынѣшней войнѣ коллективизмъ довель свои притязанія до небывалыхъ, гомерическихъ размѣровъ; мало того, онъ дошелъ до внутренняго противорѣчія, до *contradictio in adjecto*. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, цѣли войны никакихъ сомнѣній не вызываютъ, пусть война была жизненно необходима для каждого изъ воюющихъ государствъ въ отдѣльности. Но что же однако, это значить? Это значить, что благо родины, ея насущные интересы требуютъ самопожертвованія отъ ея сыновъ. Ради блага общаго отдѣльныя личности должны приносить въ жертву свою жизнь. И пока рѣчь идетъ объ единицахъ, сотняхъ, пусть и тысячахъ, никакихъ сомнѣній здѣсь не возникало. Все же родина это — повторимъ опять слово Гоббса — такой Левіафанъ, что по сравненію съ нимъ интересы и судьба этихъ десятковъ и тысячъ кажется еле замѣтной, не производитъ никакого впечатлѣнія. Къ этому мы давно привыкли, съ этимъ сжились, а вѣдь привычка, по яркому слову поэта — замѣна счастью она. Поэтому не только сторонніе зрители, но и сами жертвующіе собой нерѣдко находятъ въ самопожертвованіи свое счастье. И насколько не удивительно, что германская социаль-демо-

кратія такъ рѣшительно поддержала войну и провозгласила Burgfrieden. Реформизмъ обѣими ногами глубоко вросъ въ почву современнаго государства, а отъ социализма онъ впиталъ сознаніе верховенства коллектива надъ индивидуумомъ, пожертвованіе частнаго на пользу общую. Поэтому то, если германской социаль-демократіи, прежней водителниці интернаціонала, не удалось отстоять миръ (насколько серіозны и энергичны были ея усилія — этотъ вопросъ мы оставляемъ въ сторонѣ), она ринулась со всѣмъ пыломъ въ войну и толкнула на это социалистовъ всѣхъ странъ. Лозунгъ: «пролетари всѣхъ странъ соединяйтесь» — этотъ боевой кличъ социаль-демократіи растаялъ въ воздухѣ, словно его никогда и не бывало, и уступилъ свое почетное мѣсто ожесточеннѣйшему взаимоистребленію.

Но въ упоеніи своимъ торжествомъ коллективизмъ не разсчиталъ своихъ притязаній, перешелъ всѣ границы и потребовалъ себѣ гекатомбъ уже не сотнями и не тысячами, а милліонами. Милліоны людей, цвѣтъ человечества, были убиты, другіе милліоны были искалѣчены, призывной возрастъ расширенъ въ обѣ стороны такъ, что когда, на примѣръ, во Франціи призваны были семнадцатилѣтніе, то правительству пришлось обѣщать, что ихъ на фронтъ не пошлютъ и что въ казармахъ съ ними будутъ обращаться бережно, соотвѣтственно ихъ нѣжному возрасту. Народное богатство было уничтожено и народное хозяйство разстроено въ конецъ. Человѣческій геній устремился на отысканіе питательныхъ и вкусовыхъ суррогатовъ, которые должны замѣнить недостающіе или вовсе исчезнувшіе продукты. Весь режимъ — социальный и личный, — долженъ былъ приспособиться къ потребностямъ войны, и въ этихъ цѣляхъ онъ былъ регламентированъ до мельчайшихъ, можно сказать — до самыхъ интимныхъ, подробностей. А самое важное — это, быть можетъ, то, что коллективизмъ въ угарѣ борьбы забылъ посчитаться съ человѣческой психологіей. Не было, вѣдь, смѣло можно сказать, ни одного человѣка, который бы допускалъ, что война затянется свыше, чѣмъ на годъ. Такое же представленіе внушалось и правительствами. И въ этомъ не было ни бравады, ни легкомыслія, недостатка вдумчивости. Это просто былъ предѣлъ, больше наше воображеніе не могло

вмѣстить. А что же случилось въ дѣйствительности? Въ дѣйствительности, если считать теперь войну конченной, она длилась пять лѣтъ и, такимъ образомъ, мы всѣ жестоко ошиблись. Но именно потому, что ошиблись всѣ, не правильнѣе ли было бы сказать, что всѣ-то и были правы, ошиблась дѣйствительность, сыгравшая плохую шутку со всѣми и поставившая себя въ грубое противорѣчіе съ тѣми элементами, изъ которыхъ она состоитъ, сама съ собой.

Получилась иначе говоря, вопіющая нелѣпость, какое то кричащее нестерпимое противорѣчіе. Война — мы уже согласились не спорить здѣсь объ этомъ — безусловно нужна для блага родины, т. е. для блага людей, ее населяющихъ, или ихъ потомковъ, для блага человѣчества, предъ которымъ должны склоняться частные интересы. Но утративъ всякую мѣру, коллективизмъ принесъ въ жертву человѣчеству человѣчество, иначе говоря, совершилъ надъ собой трагическое хакакири. Мало того — производственные отношенія были отданы подъ строгій контроль государства, а распредѣленіе — въ значительной части — поставлено было на уравнилельныхъ началахъ, диктуемыхъ социализмомъ, появилось даже и новое словообразование — *Kriegssozialismus*, иначе говоря, социализмъ сталъ прислужникомъ войны. Правда, социалистическая пресса протестовала противъ такого названія, утверждая — пусть правильно, — что это ничего общаго не имѣетъ съ истиннымъ социализмомъ. Но въ представленіи массъ всѣ эти мѣры неразрывно связаны съ требованіями социализма и военный режимъ, тягостный элементъ принужденія, всесторонняго стѣсненія и, наконецъ, чувство безмѣрнаго утомленія отъ четырехлѣтняго пролитія крови — все это ставится на счетъ коллективизму и безмѣрно увеличиваетъ его дебетъ.

А засимъ, какъ бы нарочно для того, чтобы ликвидировать всякія возраженія и споры, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія, чтобы завоеваніямъ реформизма противопоставить достиженія анархо-синдикализма, — русская революція завершилась(?) большевицкимъ переворотомъ поставившимъ себѣ задачей осуществить полностью социалистическую программу и дать народамъ миръ. Успѣхъ большевизма былъ неизбѣженъ и предрѣшенъ. Ибо большевизмъ, свободный отъ всякихъ компромиссовъ, при по-

мощи которыхъ всякія реформистскія группы пытались ослабить нелѣпость тактическихъ выводовъ изъ ученія Маркса, побѣждалъ всѣхъ и вся своей неумолимой послѣдовательностью. Большевизмъ допустилъ одно лишь, да и то малозамѣтное на поверхностный взглядъ, отступленіе отъ завѣтовъ марксизма, который, какъ мы только-что видѣли, училъ, что никакая общественная организація не погибнетъ, прежде чѣмъ не изживетъ себя, и что естественнаго хода социальнаго развитія нельзя опрокинуть насильственнымъ образомъ! Много ли, однако, нужно, чтобы преодолѣть это препятствіе и убѣдить себя и другихъ въ томъ, что наше сознаніе уже dorosло до переворота и что существующія формы уже изжиты. Нѣтъ! успѣхъ большевизму былъ обезпеченъ.

Но одержавъ столь головокружительную побѣду, взявъ съ бою то, что должно было, по теоріи Маркса, само собою прійти на смѣну сгнившему порядку, большевизмъ рѣшительно не знаетъ, что сдѣлать со своей побѣдой, и побѣдитель объявляетъ себя банкротомъ. Въ то самое время, какъ пишутся эти строки, (1918 г.) между Ленинымъ и его вчерашними соратниками, уличающими его въ хожденіи въ капиталистическую каносу, ведется горячій споръ, причемъ Ленинъ всячески изощряется, чтобы доказать имъ, что обращеніе къ капиталистамъ съ просьбой руководить устройствомъ трестовъ не есть измѣна пролетариату... «Рабочіе прекрасно знаютъ, утѣшаетъ Ленинъ, что организаторы дѣйствительно крупныхъ и крупнѣйшихъ предпріятій, трестовъ или другихъ учреждений на девяносто девять сотыхъ принадлежатъ къ классу капиталистовъ, какъ и первоклассные техники, но именно ихъ мы, пролетарская партія, должны брать въ «руководители» процесса труда и организаціи производства, ибо иныхъ, знающихъ это дѣло изъ практики, изъ опыта, людей нѣтъ. Ибо рабочіе, вышедшіе изъ младенческаго возраста, когда ихъ могла сбивать «лѣвая» фраза или мелкобуржуазная распушенность, идутъ къ социализму именно черезъ капиталистическое руководство трестами, черезъ крупнѣйшее машинное производство, черезъ предпріятія съ оборотами въ нѣсколько милліоновъ въ годъ, только черезъ такія производства и предпріятія. Можно написать еще тысячи словъ, можно составить изъ нихъ еще сотни мудреныхъ комбинацій, но все это не

можетъ скрыть того факта, что большевики неспособны обойтись безъ капиталистовъ и, такимъ образомъ, фактическая неудача подтверждается и теоретическимъ признаніемъ своего банкротства. Вся социалистическая печать въ одинъ голосъ напоминаетъ своимъ товарищамъ слова стараго Гейне: «пропагандировали воду, а втихомолку пьютъ вино».

Результаты этого грандіознаго неожиданнаго для самихъ большевиковъ опыта передъ нами на-лицо. Россія не только не зажгла міроваго пожара, не воскресила интернаціонала, но сдѣлалась головой турка, пугаломъ для всѣхъ. Въ засѣданіи рейхстага отъ 25 февраля 1918 г. Шейдеманъ, отгораживаясь отъ большевиковъ, сказалъ, что примѣръ русскаго большевизма не можетъ увлечь германскую социаль-демократію, что она не захватила бы власть при такихъ условіяхъ, чтобы быть вынужденной заключить съ западными державами миръ вродѣ того, какой Россія должна была заключить съ Германіей. Напрасно, однако, представитель реформизма старается отгородиться отъ большевизма. Реформизмъ и большевизмъ — двѣ стороны одной и той же медали, они вскормлены однимъ и тѣмъ же молокомъ. Реформизмъ использовалъ ученіе Маркса въ одномъ направленіи, большевизмъ развилъ его въ другомъ, посвоему. Теперь обѣ стороны медали показаны были *ad oculos*, демонстрація проведена была полностью. Чѣмъ бы война ни кончилась въ смыслѣ территоріальныхъ измѣненій и матеріальныхъ возмѣщеній, въ области идейной, психологической, на которой строится общественный укладъ, война возьметъ огромныя контрибуціи. Важнѣйшимъ, рѣшающимъ результатомъ войны и революціи будетъ, что личность, человѣкъ, встанетъ во весь свой ростъ и властно заявитъ: Довольно! Я безмѣрно усталъ и не желаю, чтобы и дальше такъ помыкали мною. Я тоже и прежде всего желаю самоопредѣлиться и заставить всѣхъ и каждого уважать мои права. Торжество индивидуализма будетъ окончательнымъ итогомъ этой безумной и бессмысленной бойни человѣчества во имя блага человѣчества. Въ этомъ — глубокій величавый смыслъ переживаемой нами трагической эпохи. Схватка между индивидуализмомъ и коллективизмомъ никогда еще не обходилось міру такъ дорого, какъ теперь.

Эти страницы написаны были въ 1918 году, когда большевизмъ, несмотря на обнаруживавшіеся симптомы несостоятельности, еще находился въ періодѣ восхожденія, когда, казалось, онъ побѣдоносно шествуетъ къ окончательному торжеству коллектива надъ личностью. Прошло съ тѣхъ поръ три года и, хотя московскій интернаціоналъ приобрѣлъ видимость всемірнаго господства, онъ официально призналъ себя банкротомъ: онъ славить частную инициативу, поощряетъ и вызываетъ индивидуальныя усилія, провозглашаетъ ставку на сильныхъ. Правда, онъ силится скрыть свое пораженіе подъ обычной маской временнаго отступленія, *reguler pour mieux sauter*. Но теперь уже ясно, что онъ призванъ былъ сдѣлать чужое дѣло, таскать изъ огня каштаны для своего антипода. То, что четыре года назадъ едва намѣчалось, теперь вполне опредѣлилось. Отчетливыя умственные теченія пробили толщу человѣческихъ труповъ, на которой онъ хотѣлъ водрузить знамя коллективизма. Безвременно погибшій великій поэтъ нашъ Ал. Блокъ, несомнѣнно обладавшій даромъ прозрѣнія, въ послѣдней статьѣ своей о крушеніи гуманизма совершенно опредѣленно предсказываетъ: «формируется новый человѣкъ, человѣкъ — животное гуманное, животное общественное, животное нравственное перестраивается въ артиста, говоря языкомъ Вагнера». «Онъ только будетъ способенъ жадно жить и дѣйствовать въ открывшейся эпохѣ вихрей и бурь, въ которую неудержимо устремилось человѣчество».

Еще ярче и настойчивѣе выражена эта мысль въ только что появившейся въ Россіи «Переписка изъ двухъ угловъ». Вяч. Ивановъ и М. Гершензонъ провели лѣто 1920 года въ одной комнатѣ, въ Москвѣ, въ здравницѣ «для работниковъ науки и литературы». Цариль большевистскій терроръ, давилъ голодъ, а духъ неустанно работалъ и два выдающихся русскихъ мыслителя затѣяли между собой странную переписку, въ которой мы читаемъ такія строки: «Исходная точка, къ которой все должно вернуться — личность. Она вмѣститъ въ себя всю нажитую полноту».

Поразительно и то, что одинъ говоритъ о Кантѣ, какъ о «лукавѣйшемъ и сумасшедшемъ мистикѣ», другой называетъ его великимъ, но это противоположное пониманіе

приводить ихъ къ одному, къ торжественному гимну личности, къ предсказанію ея полной побѣды.

Такъ мыслятъ и говорятъ оставшіеся подъ большевистскимъ игомъ въ Россіи. Имъ въ униссонъ откликается оторванная отъ родной почвы, разбросанная по всему міру русская интеллигенція. Въ выпедшемъ недавно въ Софіи оригинальномъ сборникѣ «евразійцевъ» «Исходъ къ Востоку» — приведенныя утвержденія повторяются буквально: «русская революція приходитъ къ утвержденію личности» «Центръ тяжести переносится всецѣло въ глубь личности».

Это глубоко волнующее совпаденіе идетъ еще гораздо дальше. Для того чтобы расчистить личности дорогу, чтобы убрать тяжелыя препятствія, М. Гершензонъ безстрашно ополчается противъ всей культуры, отрекается отъ ея наслѣдства. «Мнѣ душно въ ней. Мнѣ мерещется, какъ Руссо, какое то блаженное состояніе полной свободы... Несмѣтныя знанія, какъ милліоны неразрываемыхъ нитей, опутали меня кругомъ, всѣ безликія, всѣ непреложныя, неизбѣжныя до ужаса. И на что они мнѣ?... Въ любви и страданіи мнѣ ихъ не надо, не ими я въ роковыхъ ошибкахъ и нечаянныхъ достиженіяхъ медленно постигаю мое назначеніе и въ смертный часъ я, конечно, не вспомню о нихъ».

«Какъ вы хотите, чтобы на почвѣ, заваленной глыбами вѣковыхъ умонастроеній и системъ... взростали могучіе дубы и фіалки. На ней прозябнуть развѣ чахлый и жестокій кустъ да плющъ развалинъ».

«Неимѣніе историческаго наслѣдства, — провозглашаютъ въ свою очередь «евразійцы», — изъ позорной нищеты превращается въ безцѣнное богатство. Старая почва слишкомъ насыщена воспоминаніями, слишкомъ засорена отбросами долгихъ вѣковъ жизни и новымъ росткамъ приходится всходить на истощенной почвѣ, пробиваться среди состарѣвшихся уже побѣговъ. Грузъ вѣковыхъ пріобрѣтеній... всегда гнететъ и обременяетъ мысль, всегда парализуетъ безтрепетность творческаго исканія».

Въ Москвѣ и въ Софіи, въ скучной здравницѣ и въ подневольной эмиграціи, изъ подъ палки большевистскаго террора и въ тоскѣ по далекой родинѣ представители русской интеллигенціи говорятъ не только однимъ языкомъ, но повторяютъ одни и тѣ же слова, живутъ одними и тѣми же предчувствіями. Кого же, кто любитъ и вѣрить

въ свою родину, не взволнуетъ глубоко это съ перваго взгляда мистическое совпаденіе, кто рѣшится спорить, что «предчувствія и свершенія» начинаютъ сливаться воедино.—

12

Въ заключеніе я позволю себѣ привести еще другое весьма характерное сопоставленіе, которое бросить съ другой стороны яркій лучъ свѣта на проблему общественнаго идеала. — Въ то время, какъ въ Россіи появились упомянутыя книги, въ Германіи вышла брошюра покойнаго уже профессора Зиммеля, который точно также останавливается на основной загадкѣ человѣческаго бытія, но подходитъ къ вопросу нѣсколько иначе. Онъ указываетъ, что какъ только жизнь пріобрѣтаетъ характеръ культурнаго общенія, она должна отлиться въ какія нибудь формы. Безъ опредѣленныхъ, тѣхъ или другихъ, формъ культурную жизнь представить себѣ нельзя, наличность формы является ея существеннѣйшимъ моментомъ. Всѣ проявленія культурной жизни — религія, искусство, право, вообще всякое бѣненіе пульса жизни отливаются въ извѣстныя формы, пріемлемыя и общія для всѣхъ. Но какъ только та или другая форма создана жизнью, она уже устарѣла, ибо жизнь не стоитъ на мѣстѣ, а находится въ вѣчномъ и непрерывномъ движеніи. Отставъ отъ жизни, форма пріобрѣтаетъ самостоятельное, самодовлѣющее существованіе и постепенно начинаетъ противопоставляться жизни. Чѣмъ больше форма существуетъ и чѣмъ прочнѣе застываетъ, тѣмъ сильнѣе она давитъ и стѣсняетъ жизнь, тѣмъ рѣзче становится протестъ жизни и тѣмъ все ярче разгорается борьба между жизнью и ею же самой созданной формой. Въ порывѣ борьбы жизнь заходитъ такъ далеко, что объявляетъ войну уже не только данной формѣ, которая ей мѣшаетъ, а формѣ вообще. Она вообще не желаетъ никакихъ формъ, ибо всѣ онѣ стѣснительны. Она будетъ проявляться сама, непосредственно такой, какова она есть въ своемъ вѣчномъ неустанномъ движеніи, въ непрестанныхъ отливахъ и приливахъ. Борьба эта неизмѣнно заканчивается побѣдой жизни надъ формой, но какъ только форма разрушена, на ея обломкахъ побѣдительница немедленно сама начнетъ ковать новыя формы, создавая себѣ новаго непримиримаго врага.

Къ тому моменту, когда въ разныхъ областяхъ жизни процессъ созданія новыхъ формъ завершится, изъ ихъ взаимнаго соотвѣтствія и взаимодействія выкристаллизовывается одна общая руководящая идея, представляющая, такъ сказать, идеальный центръ. Отмѣчая такіе историческіе моменты властвованія формъ, Зиммель указываетъ, что въ классическую эпоху руководящей была идея бытія, какъ чего то въ себѣ законченнаго, цѣлокупнаго. На мѣсто этой идеи христіанство разрушившее старыя формы поставило идею свободной личности, а за симъ средневѣковье выдвинуло, какъ центральную идею, понятие Бога (вѣрнѣе было бы сказать — церковь), которой все должно подчиняться и приноситься въ жертву. Средневѣковье было свергнуто эпохой Возрожденія, которое, продвинувъ на первое мѣсто начала природы, естественнаго закона, расчистило и удобрilo почву для вѣка просвѣщенія, который поставилъ на пьедесталъ идею я, духовной личности. А засимъ пришло наше время, которое еще не имѣетъ такой центральной идеи, но уже совершенно явственно передвигается на центральное мѣсто принципъ общества, какъ начало всепоглощающее, которому все должно быть принесено въ жертву.

Лишь съ перваго взгляда можетъ показаться (и этого то Зиммель, къ сожалѣнію, не договариваетъ), что эти идеи разнородны, что каждая изъ нихъ своеобразна и самобытна и что, слѣдовательно, жизнь, которая въ своемъ развитіи, постепенно одну за другой, ихъ выдвинула, совершаетъ какое то поступательное движеніе. Если же взглянуть внимательнѣе и сопоставить между собою эти, такъ сказать, царственные идеи, то не трудно будетъ сразу же замѣтить, что разнородности здѣсь отнюдь нѣтъ, что имѣются лишь два сорта совершенно однородныхъ идей и что смѣна сводится къ тому, что идея одного рода уступаетъ свое мѣсто другому роду, который выдвигаетъ какую нибудь изъ своихъ. И такимъ образомъ идея бытія, индивидуума, жизни чередуется, перемежается съ началами государства (какъ было въ одинъ изъ моментовъ классической эпохи, которую Зиммель слишкомъ обобщилъ), церкви, общества. Иначе говоря, весь первый рядъ отстаиваетъ права индивидуальности, требуетъ для нея простора и самобытности, второй признаетъ только коллективъ того или другого наименованія, а ин-

дивидуумъ есть лишь ничего незначащій самъ по себѣ атомъ.

Такимъ образомъ, борьба между жизнью и формой есть въ сущности борьба между индивидуальнымъ и коллективнымъ началомъ. Форма нужна коллективу, общежитіе безъ формъ не только существовать, но и мыслиться не можетъ, индивидуума же стѣсняетъ всякая форма, потому что она въ той или другой степени насилуетъ проявленія его жизни, у каждаго индивидуума проявленія жизни своеобразны и не могутъ очевидно безболѣзненно вмѣститься въ предустановленную форму. Но такъ какъ нельзя съ другой стороны мыслить индивидуума внѣ общегитія (сколько уже поколѣній воспиталось на Робинзонѣ), то онъ и долженъ покориться формамъ. Это онъ и дѣлаетъ, пока въ силахъ терпѣть. Когда же больше терпѣть нѣтъ мочи, онъ уже возстаетъ противъ всякой формы, хоть въ душѣ остается неизмѣнно ея рабомъ. (Отмѣченный выше протестъ Гершензона является такимъ образомъ лишь новой яркой иллюстраціей.)

Одинъ изъ блестящихъ примѣровъ этой борьбы, приведенный Зиммелемъ, представляется ослѣпительно яркимъ. Экспрессионизмъ въ искусствѣ ставитъ себѣ задачей передать на полотнѣ не объективный видъ даннаго предмета и даже не тотъ образъ, который онъ вызвалъ въ представленіи художника (на этомъ стоитъ импрессионизмъ), а стремится воспроизвести тѣ психическія ощущенія, которыя данный предметъ вызвалъ въ немъ. Если бы, удачно поясняетъ Зиммель, это психическое ощущеніе въ каждомъ своемъ моментѣ отражалось непосредственно въ рукѣ художника и рука держала кисть, то ея движенія и дали бы на полотнѣ точное изображеніе испытываемаго художникомъ впечатлѣнія. Что такое желаніе можетъ явиться у художника — это понятно. Онъ интересуется не самимъ предметомъ, для него гораздо важнѣе то душевное состояніе, которое вызываетъ видъ этого предмета. Но если онъ не ограничивается тѣмъ, что воспроизводитъ на полотнѣ свои ощущенія, а выставляетъ полотно на показъ, отдаетъ его на выставку, онъ впадаетъ самъ съ собою въ противорѣчіе. Ибо чѣмъ больше художникъ интересуется своими собственными сужденіями, тѣмъ опредѣленнѣе онъ долженъ сознать, что и всякій другой можетъ стоять на той же точкѣ зрѣнія и, дорожа собствен-

ными ощущеніями, не интересоваться картиной художника. Если же демонстрація испытанныхъ ощущенийъ на полотнѣ имѣеть цѣлью вызвать въ зрителѣ представленіе о новомъ предметѣ, который послужилъ основаніемъ для изображенія, то вѣдь это напоминало бы обученіе глухонѣмыхъ рѣчи. Оно происходитъ, какъ извѣстно, такимъ образомъ, что учитель, произнося тотъ или другой звукъ, прикладываетъ руки глухонѣмого къ тѣмъ органамъ своимъ (горлу, груди), которые участвуютъ въ произведеніи звуковъ; затѣмъ ученикъ старается самъ воспроизвести тѣ же движенія и въ результатѣ его усилій получится тотъ же звукъ. Этотъ истинно каторжный способъ обученія въ данномъ случаѣ неизбеженъ. Но если бы кто либо вздумалъ примѣнять его къ людямъ нормальнымъ, владѣющимъ слухомъ, врядъ ли его сочли бы нормальнымъ.

Однако и въ области слова, рѣчи экспрессионизмъ находитъ свой отзвукъ въ томъ, что современные поэты примѣняютъ новыя имѣ однимъ понятныя слова или вѣрнѣе звуко сочетанія, которыя отражаютъ состояніе, вызываемое въ нихъ тѣми или другими явленіями. И если они такія свои произведенія печатаютъ для общаго пользованія, они тоже впадаютъ въ противорѣчіе съ собой, сами отъ себя отрекаются, отдавая на судъ толпы то, что должно имѣть только индивидуальную цѣнность.

Но это противорѣчіе и есть одна изъ частныхъ того общаго безысходнаго противорѣчія, которое сжимаетъ въ своихъ тискахъ всю нашу жизнь. Личность и коллективъ, непосредственная жизнь и формы противостоятъ другъ другу, всегда готовые вступить въ жесточайшую борьбу, которая то принимаетъ острѣйшій характеръ, то ведется тихой сапой.

Неразрѣшимость этого противорѣчія Зиммель подчеркиваетъ весьма настойчиво. Но склоняясь почтительно передъ непобѣдимыми трудностями проблемы, онъ ищетъ выхода въ другомъ направленіи. Онъ оспариваетъ «филистерскій предразсудокъ», будто бы каждый конфликтъ долженъ получить свое разрѣшеніе. Конфликты, именно какъ таковыя, могутъ имѣть и выполнять свое назначеніе въ экономіи и исторіи жизни. Словно въ отвѣтъ на недоумѣніе поэта, почему онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ бурѣ есть покой, Зиммель до гениальности остроумно заканчиваетъ свою брошюру смѣлымъ афоризмомъ: Да! Жизнь

представляет въ абсолютномъ смыслѣ борьбу, объемлющую относительное противоположеніе борьбы и мира, между тѣмъ какъ абсолютный покой, который, быть можетъ, точно также объемлетъ это противоположеніе, остается божественной тайной.

Этотъ отвѣтъ, дышащій такимъ благороднымъ смиреніемъ, не подлежитъ, конечно, какъ и аналогичная попытка проф. Новгородцева, оцѣнкѣ съ точки зрѣнія логической убѣдительности, что, однако, отнюдь не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы дѣйственное его вліяніе на массы достигало порой огромныхъ размѣровъ. Для этого нужно лишь, чтобы обстановка была подходящая, чтобы существовало настроеніе, которое подъ вліяніемъ удовлетворенія жизнью побуждало бы вѣрить въ ее внутренній смыслъ. Въ наши исключительно тяжелые дни болѣе чѣмъ трудно обрѣсти эту вѣру. Но уяснить себѣ величественный смыслъ событій, съ такой стремительностью развертывающихся въ этотъ поворотный моментъ исторіи, ориентироваться въ нихъ и не пытаться расшибить лбомъ стѣну, а способствовать направленію теченія въ то русло, въ которое оно стремится — въ высшей мѣрѣ желательно и необходимо.

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе къ 2-му изданію

1. Своевременность постановки вопроса объ общественномъ идеалѣ.
 2. Предѣлы исканія общественнаго идеала.
 3. Противоположеніе особи коллективу.
 4. Острота этого противоположенія у людей.
 5. Смертность человѣка и безсмертіе человѣчества.
 6. Отраженіе борьбы между индивидуализмомъ и социализмомъ въ гражданскомъ правѣ.
 7. Роль такъ называемаго естественнаго права.
 8. Новѣйшіе выразители противоположныхъ взглядовъ — Марксъ и Ницше.
 9. Попытки примиренія противоположностей.
 10. Либерализмъ и социализмъ, ихъ скрещиваніе.
 11. Торжество индивидуализма, какъ результатъ войны и революціи.
 12. Взглядъ Зиммеля.
-

Напечатано издательствомъ
«С Л О В О», Берлинъ

1, 80 (1987)

6907
Рл у

І. В. Г Е С С Е Н Ъ

ИСКАНІЯ
ОБЩЕСТВЕННАГО
ИДЕАЛА

ИЗДАНИЕ 3-е

БЕРЛИНЪ

1922

~~174455~~